

K A P A O C

Kactama

CONTINIO

Cemo

aghympu

«Огонь изнутри» – полный переворот в восприятии учения дона Хуана. Кастанеда вспоминает, сдвигая свою точку сборки в те же состояния повышенного осознания, в каких проходило его обучение. Он обретает свою целостность. Мы снова встречаемся с доном Хуаном и знакомимся с потрясающей концепцией «мелких тиранов» – возможностью рассматривать любую негативную ситуацию в качестве средства обучения и избавления от чувства собственной важности.

КАРЛОС КАСТАНЕДА

ОГОНЬ ИЗНУТРИ

*«Я хотел бы выразить свое восхищение и благодарность
великолепному учителю... за помощь в восстановлении моей энергии и
обучении иному для нас пути к полноте и благополучию»*

Я издал обширные описательные отчеты о своих отношениях как ученика с индейским колдуном из Мексики доном Хуаном Матусом. Из-за чуждой для меня концепций и практики, которые я должен был понять и усвоить, по мысли дона Хуана, у меня не было другого выбора, как передать его учения в форме рассказа – повествования о том, что случилось и как это происходило.

Организация инструкций дона Хуана основывалась на том, что у человека есть два типа сознания: он называл их «правосторонним» и «левосторонним». Первое он описал как состояние обычного сознания, необходимого для повседневной жизни. О втором он говорил как о таинственной стороне человека – таком состоянии, которое необходимо для деятельности колдуна и видящего. В соответствии с этим он разделил свои инструкции на учение для правой стороны и учение для левой стороны.

Свои учения для правой стороны он передавал, когда я находился в состоянии обычного сознания, и эти учения описаны в моих предыдущих отчетах. В этом моем состоянии он сказал мне, что он колдун. Он даже познакомил меня с другим «колдуном», доном Хенаром Флоресом, и в связи с характером наших отношений я пришел к логическому выводу, что они приняли меня в ученичество.

Это ученичество закончилось непостижимым актом, к исполнению которого привели меня они оба: они заставили меня прыгнуть в пропасть с вершины плоской горы. В последней, разыгранной там драме учений для правой стороны участвовали: сам дон Хуан, дон Хенаро, еще два ученика – Паблито, Нестор и я. Паблито, Нестор и я прыгнули с вершины в бездну.

В течение нескольких лет после этого я думал, что только моего полного доверия к дону Хуану и дону Хенаро было достаточно для отклонения всех моих рациональных страхов перед лицом настоящего уничтожения. Теперь я знаю, что это не так: я знаю, что секрет этого тайлся в учениях дона Хуана для левой стороны, а также то, что для проведения этих учений в жизнь от дона Хуана, дона Хенаро и их компаньонов потребовались громадная дисциплина и упорство..

Чтобы собрать вновь то, что происходило при обучении для левой стороны и что позволило мне выполнить этот непостижимый акт – прыжок в пропасть – мне потребовалось десять лет. Именно в своих учениях для левой стороны дон Хуан изложил то, что он, дон Хенаро и их компаньоны делали со мной и кто они такие. Они обучали меня вовсе не колдовству, а тому, как овладеть тремя аспектами древнего знания, которыми они владели: сознанием, искусством следопыта и намерением. Они оказались вовсе не колдунами, они – видящие, а дон Хуан не только видящий, но и нагваль.

В своих учениях для правой стороны дон Хуан уже многое объяснил мне относительно нагваля и видения. Как я понял, видение является способностью людей расширять свое поле восприятия настолько, что они становятся способными оценивать не только внешнюю видимость, но и саму суть всего. Он также объяснил мне, что видящие видят человека, как в поле энергии, которое выглядит подобно светящемуся яйцу. Он сказал, что у большинства людей это поле разделено на две части, однако у некоторых мужчин и женщин оно разделено на четыре, а иногда на три. Из-за своей большой сопротивляемости, по сравнению со средними людьми, эти люди, после обучения видению могут стать нагвалями.

В своих учениях для левой стороны дон Хуан объяснил мне сложность видения и бытия нагваля. Стать нагвалем, сказал он, гораздо более сложно и многообещающе, чем быть просто прочным человеком, научившимся видеть. Быть нагвалем означает быть вождем, учителем и проводником.

Как нагваль дон Хуан был руководителем группы видящих, известных как «партия нагваля», которая состояла из восьми женщин: Сесилии, Делии, Гермелинды, Кармелы, Нелиды, Флориды, Зулейки и Зойлы; троих мужчин-видящих: Висенте, Сильвио Мануэля и Хенаро, а также четверых «курьеров» или посланников: Эмелито, Хуана Тумм, Марты и Терезы.

Кроме руководства партией нагваля дон Хуан занимался также обучением и руководством группой учеников-видящих, известной как «новая партия нагваля». Она состояла из четырех молодых людей: Паблито, Нестора, Элихио и Бениньо, и пяти женщин: Соледад, ла Горды, Лидии, Жозефины и Розы. Я был номинальным лидером новой партии нагваля наряду с женщиной-нагвалем по имени Кэрол.

Для того, чтобы дон Хуан мог передать мне свои учения для левой стороны, я должен был входить в уникальное состояние перцептуальной ясности, известное как «повышенное сознание». В течение многих лет моей связи с ним он попеременно вводил меня в такое состояние с помощью удара, который он наносил своей ладонью в верхней части моей спины.

Дон Хуан объяснил, что в состоянии повышенного сознания ученики могут вести себя почти так же естественно, как и в повседневной жизни, однако оно позволяет фокусировать свой ум на чем угодно с необычайной силой и ясностью. И все же особым качеством состояния повышенного сознания является то, что оно не поддается обычному воспоминанию. То, что происходило в этом состоянии, становится частью повседневного сознания ученика только через потрясающее усилие восстановления.

Мое взаимодействие с партией нагваля является примером этой трудности воспоминания: я был в контакте с ними, за исключением Хенаро, только в состоянии повышенного сознания, и, следовательно, в своей повседневной жизни я не мог вспомнить их даже как неясные тени сновидений. Образ моих встреч с ними всякий раз был почти ритуалом: я должен был приезжать на машине к дому дон Хенаро в маленький городок на юге Мексики. Дон Хуан обычно немедленно присоединялся к нам, и мы уже втроем занимались затем учениями дон Хуана для правой стороны. После этого дон Хуан заставлял меня изменить уровень сознания, а затем мы ехали на машине в большой близлежащий город, где жил он и другие пятнадцать видящих.

Всякий раз, входя в состояние повышенного сознания, я не мог не изумиться различию своих двух сторон. Я чувствовал себя всегда так, как если бы с моих глаз была снята пелена, как если бы я был до этого частично слеп, а теперь прозрел. Свободу и чистую радость, которые обычно овладевали мной в этих случаях, нельзя было сравнить ни с чем, что я испытывал прежде. Однако вместе с этим присутствовало тревожащее чувство печали и какого-то томления, которые шли рука об руку с радостью. Дон Хуан объяснил мне, что не было бы полноты без печали и томления, поскольку без них нет трезвости и доброты, а мудрость без доброты, как он сказал, и знание без трезвости бесполезны.

Организация обучения для левой стороны требовала также, чтобы дон Хуан, совместно со своими товарищами-видящими, объяснил мне три аспекта их знания: управление сознания, искусство следопыта и искусство намерения.

В этой работе я изложил искусство управления сознанием, которое является частью целой системы его учений для левой стороны-системы, которую он использовал для того, чтобы подготовить меня к удивительному акту прыжка в бездну. Ввиду того, что пережитый мною опыт, о котором я здесь рассказываю, не имеет характера повседневной жизни, я постарался снабдить его нужными деталями, все же не переходя границ документальной повести. В состоянии повышенного сознания мало сознаешь окружающую обстановку, поскольку все внимание сосредоточено на деталях совершаемого в данный момент действия.

В нашем случае совершаемое в данный момент действие естественно было освещением искусства овладения сознанием. Дон Хуан принимал искусство овладения сознанием как

современную версию чрезвычайно древней традиции, которую он называл традицией древних толтеков-видящих. И хотя он чувствовал себя неразрывно связанным с этой древней традицией, он считал себя одним из видящих нового цикла. Когда я спросил его однажды, каковы же существенные черты характера видящих нового цикла, он ответил, что это воины полной свободы, что они такие же мастера сознания, искусства следопыта и намерения, что не ловятся смертью, как остальные смертные, а избирают сами момент и путь своего исхода из этого мира. В этот момент они поглощаются внутренним огнем и исчезают с поверхности земли, как если бы они никогда не существовали.

1. Новые видящие

Я прибыл в город Оаксаку на юге Мексики по пути в горы, чтобы поискать дона Хуана. На пути из города рано утром у меня возникло сильное желание проехать через главную площадь, и там я нашел его сидящим на своей любимой скамейке и как бы ожидающим моего приезда.

Я присоединился к нему. Он сказал, что в городе по делам и остановился в местном пансионе, и что он приглашает меня поселиться вместе с ним, поскольку должен остаться в городе еще на два дня. Мы поговорили немного о моей деятельности и проблемах академического мира.

Как уже стало обычным для него, он неожиданно ударил меня по спине, когда я этого меньше всего ожидал, и этот удар сместил меня в состояние повышенного сознания.

Мы долго сидели в молчании. Я с нетерпением ждал, когда он начнет говорить, и все же, когда он заговорил, я был поражен неожиданностью.

– Несколько веков до того, как испанцы пришли в Мексику, – сказал он, – там жили необычные толтеки-видящие, люди способные на непостижимые действия. Они были последним звеном в цепи знания, которая протянулась через тысячелетия.

Толтеки-видящие были необычайными людьми – могущественными колдунами, мрачными преследователями, разгадавшими тайны и владеющими тайным знанием, которое они использовали для влияния на людей и превращения их в жертву путем фиксации сознания своих жертв на всем, что изберут.

Он остановился и пытливо посмотрел на меня. Я чувствовал, что он ожидает от меня вопроса, но я не знал что спросить.

– Я должен подчеркнуть важный факт, – продолжал он, – что те колдуны знали, что фиксировали сознание своих жертв. Ты не обратил на это внимания: когда я упомянул об этом, оно для тебя ничего не значило. И это не удивительно: одна из труднейших для признания вещей та, что сознанием можно манипулировать.

Я сконфузился. Я знал, что он подводит меня к чему-то. Мне уже было знакомо это чувство опасения – оно всегда возникало при начале нового раунда его учений. Я сказал ему как себя чувствую. Он неопределенно улыбнулся. Обычно, когда он улыбался, он излучал счастье, но на этот раз он определенно был озабочен. Казалось, он соображает, продолжать ли дальше беседу. Он опять пытливо уставился на меня, медленно переводя взгляд вдоль всего моего тела. Затем, очевидно удовлетворенный, он кивнул и сказал, что я готов к своему последнему испытанию, к чему-то, через что все воины проходят перед тем, как стать на собственные ноги. Я был заинтригован этим более, чем когда-либо раньше...

– Мы собираемся говорить о сознании, – продолжал он. – толтеки-видящие знали искусство управления сознанием. Фактически они были в этом искусстве верховными мастерами. Когда я сказал, что они знали как фиксировать сознание своих жертв, я имел в виду, что их тайные знания и тайные приемы позволяли им вторгаться в тайну сознания. Значительная часть их приемов дожила до наших дней, но, к счастью, в измененном виде. Я сказал «к счастью» потому, что эти приемы не вели древних толтеков-видящих к свободе, а лишь к их роковой судьбе.

– Знаешь ли ты сам эти приемы? – спросил я.

– Почему же нет? Конечно, – ответил он. – у нас не было способа обойти эти методики, однако это не означает, что мы сами используем их. У нас другие взгляды, мы принадлежим к новому циклу.

– Но ты же не считаешь себя колдуном, дон Хуан, не так ли? – спросил я.

– Нет, не считаю, – ответил он. – я – воин, который видит. Фактически все мы «лос нуэвос видентес» – новые видящие. А древние видящие были колдунами.

– Для среднего человека, – продолжал он, – колдовство – это определенное дело, однако оно, все же, восхитительно. Вот почему я вдохновил тебя в твоём нормальном сознании, думать, что мы колдуны. Рекомендуются поступать именно так, это служит для привлечения интереса. Для нас же стать колдуном все равно, что выйти на смертельно тупиковую улицу.

Я захотел узнать, что он под этим подразумевает, но он отказался обсуждать это. Он сказал, что остановится на этом вопросе по мере продвижения в вопросе сознания. Я спросил затем относительно источника толтекских знаний.

– Способ, которым толтеки вышли на путь знания, было вначале потребление растений силы, – ответил он. – побуждаемые любопытством или голодом, они по ошибке ели их, а поскольку растения силы оказывали на них свое воздействие, то было только вопросом времени, когда некоторые из них стали анализировать свои переживания. По моему мнению, первый человек на этом пути знания был очень смелым, но он очень ошибся.

– Не является ли все это предположением с твоей стороны, дон Хуан?

– Ничуть, это не мои предположения. Я видящий, и когда я фиксирую свое видение на том времени, я знаю все, что происходило.

– Можешь ли ты видеть детали событий прошлого? – спросил я.

– Видение – это особое чувство познания, – ответил он, – познания чего-либо без тени сомнения. В этом случае, однако, я знаю, что делали те люди, не только благодаря своему видению, но еще и потому, что мы так тесно связаны.

Дон Хуан затем объяснил, что его использование термина «толтек» не соответствует тому, что я подразумеваю под этим. Для меня это означало культуру – империю толтеков, для него же термин «толтек» означал «человек знания».

Он сказал, что в то время, о котором он говорит, за несколько столетий, а может быть и за тысячелетие до испанского нашествия, все такие люди знания жили в обширной географической области к северу и югу от долины мексико и занимались особой работой: были лекарями, сказителями, танцорами, оракулами, готовили пищу и питье. Эта линия деятельности создавала в них особую мудрость, отличающую их от средних людей, тем не менее эти толтеки были людьми, вплетенными в ткань повседневной жизни, подобно тому как в наше время это происходит с врачами, учителями, священниками и дельцами. Они занимались своей профессиональной деятельностью под строгим контролем организованных братств, и стали опытными и влиятельными настолько, что доминировали даже над группами, живущими вне их географической области.

Дон Хуан сказал, что после того, как некоторые из них научились, наконец, видеть-после столетий приема растений силы, наиболее предприимчивые из них стали учить других знанию, как видеть. И это стало началом их конца. Со временем число видящих увеличивалось, а их привязанность к тому, что они видели, наполнившая их почтением и страхом, стала такой сильной, что они перестали быть людьми знания. Они стали чрезвычайно опытными в видении и начали оказывать большое влияние на странные миры, свидетелями которых они оказались. Однако все это было бесполезно: видение подрывало их крепость и привело к тому, что они попали в зависимость от того, что видели.

– Были, однако видящие, избежавшие этой судьбы, – продолжал дон Хуан, – великие люди, которые, несмотря на то, что были видящими, никогда не переставали быть людьми знания. Некоторые из них научились положительно использовать видение и стали учить этому своих собратьев. Я убежден, что под их руководством население целых городов уходило в другие миры и никогда не вернулось.

Те же видящие, которые занимались только видением, потерпели фиаско, и вся страна, в которой они жили, подверглась нашествию завоевателей, они были так же беззащитны, как и любой человек.

– Эти завоеватели, – продолжал он, – захватили мир толтеков, они присвоили все, но никогда не научились видеть.

– Почему ты думаешь, что они не научились видению? – спросл я.

– Потому что они копировали процедуры толтеков – видящих, не имея их внутренних знаний. В наши дни по всей Мексике полно колдунов, потомков тех завоевателей, которые следуют путями толтеков, но не знают, что они делают или о чем говорят, потому что они невидящие.

– Кем же были эти завоеватели, дон Хуан?

– Другими индейцами, – ответил он. – к тому времени, когда пришли испанцы, древние видящие ушли – еще за столетия до них, но были новые поколения видящих, которые начали работать над своей безопасностью в новом цикле.

– Что ты называешь «новым поколением видящих»?

– После того, как мир древних толтеков был разрушен, выжившие видящие отступили и начали серьезное исследование своих приемов. Первое, что они сделали – это выделили искусство следопыта, сновидения и намерения в качестве ключевых процедур и умерили использование растений силы. Это, возможно, позволяет понять то, что случилось с ними в связи с растениями силы.

– Новый цикл только начал набирать силу, когда испанские конкистадоры запленили страну. К счастью, к тому времени новые видящие уже тщательно подготовились к встрече с опасностью: они уже были экспертами в искусстве следопыта.

Дон Хуан сказал, что последующие столетия порабощения создали для этих новых видящих идеальные условия для совершенствования их мастерства.

Как это ни странно, но именно предельная суровость и принуждения того периода дали им толчок для совершенствования их новых принципов. И благодаря тому факту, что они никогда не популяризировали свою деятельность, они были оставлены в покое при картографировании своих находок.

– Было ли много новых видящих во времена конкисты? – спросил я.

– Вначале было много, но к концу только горстка. Остальные были истреблены.

– А что в наши дни, дон Хуан? – спросил я.

– Сейчас их немного, они повсюду рассеяны, понимаешь?

– Знаешь ли ты их? – спросил я.

– На такой вопрос труднее всего ответить, – сказал он. – есть некоторые, кого мы знаем очень хорошо, но они не совсем такие, как мы, поскольку сосредоточились на других специфических аспектах знания, таких как танец, лечение, заклинание, а не на том, что рекомендуют новые видящие – искусстве следопыта, сновидения и намерения.

Те же, кто подобны нам, не пересекаются с нами. Видящие, жившие в период конкисты, установили это правило для того, чтобы избежать истребления в столкновении с испанцами. Каждый из тех видящих основал свою линию, но не все из них имеют последователей, так что линий не много.

– Знаешь ли ты какую-либо, которая была бы точно как наша? – спросил я.

– Несколько, – ответил он лаконично.

Я попросил его тогда дать мне об этом всю информацию, какую он может, поскольку я жизненно заинтересован в этом вопросе: для меня чрезвычайно важно узнать имена и адреса с целью убеждения и подтверждения. Дон Хуан, очевидно, не хотел угодить мне.

– Новые видящие прошли через такое подтверждение, – сказал он. – половина из них оставила свои кости в камере подтверждения, так что теперь они вольные птицы. Оставим это. Все, о чем мы можем говорить, это наша линия: об этом и ты и я можем говорить сколько душе угодно.

Он объяснил, что линии видящих начались в одно время и одинаковым образом: примерно в конце XVI века каждый из нагвалей намеренно изолировал себя и свою группу видящих от каких-либо открытых контактов с другими видящими. Следствием этого жесткого разделения, как сказал он, было формирование индивидуальных линий. Наша линия, сказал он, состоит из 14 нагвалей и 126 видящих. Некоторые из этих 14 нагвалей имели с собой не более 7 видящих, другие-11, а некоторые до 15.

Он сказал мне, что его учителем, или «благодетелем», как он называл его, был нагваль Элиас. Я спросил его, знает ли он имена всех 14 нагвалей. Он назвал и пронумеровал их мне так, что я узнал кто они. Он сказал мне также, что лично знал 15 видящих, которые входили в партию его благодетеля, и знал учителя своего благодетеля нагваля Элиаса, а также 11 видящих из его партии.

Дон Хуан заверил меня, что наша линия совершенно исключительная, поскольку она подверглась в 1723 году принципиальному изменению в результате внешнего влияния, которое воздействовало на нее и неумолимо изменило путь.

Он не хотел в тот момент обсуждать само это событие, он сказал, что с тех пор отсчитывается новое начало, и 8 нагвалей, которые с тех пор продолжили эту линию, считаются внутренне отличными от тех шести, которые им предшествовали.

У дон Хуана на следующий день были, видимо свои дела, так что я не видел его до полудня. Тем временем в город пришли трое из его учеников: Паблито, Нестор и ла Горда. Они занимались покупкой инструментов и материалов для плотницкой деятельности Паблито. Я сопровождал их и помог завешить все поручения. Затем все мы возвратились в пансионат.

Мы все четверо сидели кружком, разговаривая, когда в комнату вошел дон Хуан.

Он объявил нам, что все мы отправимся после обеда, а пока мы собираемся поесть. У него есть кое-что, о чем ему надо поговорить со мной наедине. Он хотел, чтобы мы оба прогулялись вокруг главной площади, а затем все мы встретимся в ресторане.

Паблито и Нестор встали и сказали, что у них есть еще некоторые поручения, которые они должны выполнить до встречи с нами, а ла Горда казалась раздосадованной.

– О чем вы собираетесь говорить? – выпалила она, но быстро поняла свою ошибку и захихикала.

Дон Хуан взглянул на нее как-то странно, но не сказал ничего. Воодушевленная его молчанием, ла Горда предложила, чтобы мы взяли ее с собой. Она уверила, что нисколько нам не помешает.

– Я уверен, что ты не помешаешь нам, – сказал ей дон Хуан, – но я просто не хочу, чтобы ты слышала что-либо из того, что я должен сказать ему.

Гнев ла Горды был очевиден. Она покраснела, а когда мы выходили из комнаты, все ее лицо потемнело от тревоги и напряжения, мгновенно исказившись. Рот ее открылся, губы пересохли.

Настроение ла Горды меня очень встревожило: я чувствовал себя неудобно. Я не сказал ничего, но дон Хуан, очевидно, заметил мое состояние.

– Ты должен благодарить ла Горду день и ночь, – сказал он неожиданно. – она помогает тебе разрушить чувство собственной важности. В твоей жизни она является мелочным тираном, но ты до сих пор не понял этого.

Мы прогуливались вокруг площади пока не исчезла вся моя нервозность. Затем опять сели на его любимую скамейку.

Древние видящие были, в действительности, очень счастливыми, – начал дон Хуан, поскольку у них было достаточно времени для изучения замечательных вещей. Позволь мне сказать тебе: они знали чудеса, которых мы сейчас не можем даже вообразить.

– Кто научил их всему этому? – спросил я.

– Они всему научились сами по себе, через видение. Большинство вещей, которые мы имеем на своей линии, происходят от них. Новые видящие исправили ошибки древних, но основа того, что мы знаем и делаем, восходит ко временам толтеков.

– Древние видящие выяснили, – продолжал он, – что лучшим способом обучения их знанию будет заставить своих учеников переместиться на левую сторону в состояние повышенного сознания. Реальное обучение происходит именно там.

– Древним видящим в качестве учеников давались очень юные дети, – продолжал дон Хуан, – так что они не знали никакой другой жизни. Эти дети, в свою очередь, когда вырастали, брали в ученики других детей. Вообрази себе все, что они могли открыть в своих смещениях налево и направо за века подобного сосредоточения.

Я отметил, насколько расстраивающими для меня являются эти смещения. Он сказал, что его опыт был подобен моему. Его благодетель нагваль Хулиан создал в нем глубокое расщепление, заставляя его переходить от одного сознания к другому. Он сказал, что ясность и свобода, которые он переживал в состоянии повышенного сознания, находились в полном контрасте с рациональностью, незащищенностью, гневом и страхом его нормального состояния.

Древние видящие обычно создавали эту полярность для достижения своих собственных целей: этим способом они заставляли своих учеников достичь того сосредоточения, которое необходимо для изучения техники колдовства.

Однако новые видящие, как он сказал, используют это, чтобы привести своих учеников к убеждению, что в человеке есть нереализованные возможности.

– Наибольшее достижение новых видящих, – сказал дон Хуан, – лежит в их объяснении тайны сознания. Они сконденсировали это в некоторые концепции и действия, которым обучаются ученики, когда находятся в состоянии повышенного сознания. Он сказал, что ценностью метода обучения новых видящих является то, что в нем используется одно преимущество: никто не может вспомнить ничего из того, что случилось с ним в состоянии повышенного сознания. Эта неспособность вспомнить создает почти непреодолимый барьер для воинов, которые должны вспомнить все это обучение, если они хотят продолжать этот путь. Только после многих лет борьбы и дисциплины воины могут вспомнить свое обучение. Благодаря этому усваиваются те понятия и процедуры, которым их обучали, и они приобретают ту силу, которую намеревались вложить в это новые видящие.

2. Мелочные тираны

Дон Хуан не обсуждал со мной больше искусства овладения сознанием, пока не прошло несколько месяцев. В то время мы находились в доме, где жила партия нагваля.

– Пойдем погуляем, – сказал дон Хуан, положив мне на плечо свою руку. – или, еще лучше, пойдем к городской площади, где много народа, сядем и поговорим.

Я удивился, что он заговорил со мной, поскольку был в доме уже два дня, а он не сказал мне ничего, кроме «здравствуй».

Пока мы с доном Хуаном выходили из дома, ла Горда перехватила нас и потребовала, чтобы мы взяли ее с собой. Казалось, она решила не слушать возражений. Дон Хуан очень сурово сказал ей, что ему нужно обсудить со мной кое-что наедине.

– Вы собираетесь говорить обо мне, – сказала ла Горда, а ее тон и жесты выдавали подозрение и досаду.

– Ты права, – ответил дон Хуан сухо. Он прошел мимо нее, даже не взглянув. Я последовал за ним, и мы шли в молчании до городской площади. Когда мы сели, я спросил, что же такое мы можем обсуждать в отношении ла Горды. Я все еще чувствовал смятение от ее угрожающего взгляда, который она бросила, когда мы выходили из дома.

– Нам нечего обсуждать относительно ла Горды или кого бы то ни было еще, – сказал он. – я сказал ей это просто для того, чтобы возбудить ее ненормальное чувство собственной важности. И это сработало – она рассердилась на нас. Насколько я ее знаю, она будет достаточно долго убеждать себя, подогревая свою уверенность и «справедливое» негодование за отказ и свое дурацкое положение. Я не удивлюсь, если она набросится на нас здесь же, на парковой скамейке.

– Если мы не собираемся говорить о ла Горде, что же мы будем обсуждать? – спросил я.

– Мы продолжим наше обсуждение, которое начали в Оаксаке, – ответил он. – для того, чтобы понять объяснение относительно управления сознанием, от тебя потребуется предельное усилие и желание перемещаться туда и сюда по уровням сознания. Пока мы заняты этим объяснением, я потребую от тебя полного сосредоточения и терпения.

Почти жалуясь, я сказал ему, что он поставил меня в очень неудобное положение отказываясь говорить со мной в прошедшие два дня. Он посмотрел на меня и поднял брови. На его губах заиграла и исчезла улыбка. Я осознал, что он дал мне понять, что я не лучше ла Горды.

– Я вызвал твое чувство собственной важности, – сказал он хмуро. – чувство собственной важности – наш злейший враг. Подумай об этом: нас ослабляет чувство оскорбления со стороны наших людей-собратьев. Чувство собственной важности заставляет нас большую часть нашей жизни быть обиженными кем-то.

Поэтому новые видящие рекомендуют приложить все усилия для искоренения чувства собственной важности из жизни воина. Я следовал этим рекомендациям, и большинство из моих затей с тобой было направлено на то, чтобы показать, что без этого чувства мы неуязвимы.

Пока я слушал, я увидел, что глаза его неожиданно засияли. Я подумал про себя, что он, по-видимому, на краю того, чтобы разразиться смехом, а к этому вроде бы не было причины, когда неожиданно был поражен болезненной пощечиной по правой щеке. Я вскочил – позади стояла ла Горда и ее рука была все еще поднята. Ее лицо пылало гневом.

– Теперь ты можешь сказать, что тебе во мне нравится и это будет более справедливо, – закричала она. – если все же у тебя есть, что сказать, скажи мне это в лицо!

Эта вспышка, по-видимому, истощила ее, так как она села на асфальт и зарыдала. Дон Хуан светился чистым весельем, а я замер в безумном гневе. Ла Горда взглянула на меня, а затем,

обратившись к дону Хуану, мягко сказала, что у нас нет права критиковать ее. Дон Хуан рассмеялся так сильно, что почти перегнулся пополам. Он не мог даже говорить. Два или три раза он пытался что-то мне сказать, а затем встал и ушел, его тело подергивалось от спазм смеха.

Я был почти готов бежать за ним, все еще негодуя на ла Горду, она казалась мне презренной, как вдруг нечто необычайное произошло со мной: я понял, что таким смешным показалось дону Хуану. Ла Горда и я были ужасно похожи друг на друга: наше чувство собственной важности было монументальным. Мое удивление и яростный гнев за пощечину были совсем такими же, как чувство гнева и подозрения у ла Горды. Дон Хуан был прав: наши чувства собственной важности – большое препятствие. Я побежал за ним, окрыленный, в то время, как слезы текли по моим щекам. Я догнал и рассказал, что я понял. Его глаза светились восторженно и проказливо.

– Как я должен поступить с ла Гордой? – спросил я.

– Никак, – ответил он, – осознание чего-либо всегда лично.

Он изменил тему и сказал, что знаки говорят, что наше обсуждение надо перенести обратно в дом – либо в большую комнату с удобными креслами, либо на задний дворик, вокруг которого есть крытый коридор. Он сказал, что когда он ведет свои объяснения в доме, эти две площади остаются никем незанятыми.

Мы вернулись в дом, и дон Хуан рассказал всем, что сделала ла Горда. Град насмешек, с каким все видящие встретили ее, сделал ее положение очень неудобным.

– С чувством собственной важности нельзя нянчиться, – заметил дон Хуан, когда я выразил свое беспокойство относительно ла Горды. Затем он попросил всех выйти из комнаты. Мы сели, и дон Хуан начал свои объяснения.

Он сказал, что видящие, как новые, так и древние, разделяются на две категории. К первой относятся те, кто согласен на самоограничение и может направить свою деятельность на практические цели, чтобы принести пользу другим видящим и всему человечеству. К другой категории относятся те, кто не заботится ни о самоограничении, ни о практических целях. И видящие пришли в этом вопросе к согласию с тем, что эти последние не смогли разрешить проблему чувства собственной значимости.

– Чувство собственной важности – это не просто что-то простенькое и наивное, – объяснил он. – с одной стороны, как чувство собственного достоинства, это ядро всего доброго в нас, а с другой стороны – это источник гнили. Чтобы освободиться от гнилой части чувства собственной важности, требуется мастерская стратегия. Во все века видящие высоко ценили тех, кто разрабатывал такую стратегию.

Я пожаловался, что идея искоренения чувства собственной важности, хотя временам временами очень мне нравится, остается, говоря по-правде, непонятной. Я сказал ему, что нахожу его указания о том, как освободиться от этого чувства, настолько неопределенными, что не могу им следовать.

– Я уже не раз говорил тебе, – начал он, – что для того, чтобы следовать путем знания, нужно быть очень изобретательным. Видишь ли, на пути знания нет ничего настолько ясного, как нам бы хотелось.

Неудобство моего положения заставило меня спорить и заявить, что его предостережения относительно чувства собственной важности напоминают мне христианские заповеди, а целая жизнь, полная разговоров о зле греха, набила у меня оскомину.

– Для воина война против чувства собственной важности это вопрос стратегии, а не принцип, – ответил он. – твоя ошибка в том, что ты пытаешься понять то, о чем я говорю, через призму морали.

– Я смотрю на тебя, дон Хуан, как на очень морального человека, – настаивал я.

– Ты увидел мою безупречность, это все, – сказал он. – безупречность, как и освобождение от чувства собственной важности, слишком смутные понятия, чтобы иметь для меня ценность, – заметил я.

Дон Хуан задохнулся от смеха, и я заставил его объяснить мне, что такое безупречность.

– Безупречность – это ни что иное как правильное использование энергии, – сказал он.

– Мои утверждения не имеют никакого морального оттенка. Я беру энергию, и это делает меня безупречным. Чтобы понять это, ты должен сам запасти достаточно энергии.

Мы сидели спокойно некоторое время. Мне хотелось обдумать то, что он сказал. Неожиданно он опять начал говорить.

– Воины ведут стратегический список, – сказал он, – они перечисляют все, что делают, а затем решают, что из перечисленного следует изменить, чтобы создать передышку в смысле усиления своей энергии.

Я заявил, что такой список может включать все на свете. Он терпеливо объяснил, что стратегический список, о котором идет речь, включает только образ того поведения, которое не является существенным для выживания и благополучия. Я подскочил от возможности указать на то, что выживание и благополучие можно понимать бесконечно многообразно, следовательно, нет пути к соглашению о том, что существенно и что несущественно для выживания и благополучия.

Пока я это говорил, я начал терять уверенность. Наконец, я остановился, поняв бесплодность своего спора. Затем дон Хуан сказал, что в стратегических списках воинов чувство собственной важности фигурирует как деятельность, поглощающая наибольшее количество энергии, отсюда их усилия по искоренению этого чувства.

– Первейшая задача воина – освободить эту энергию, чтобы с ее помощью встретиться с неведомым. Действие по перераспределению этой энергии – это безупречность.

Он сказал, что наиболее эффективная стратегия для этого была разработана видящими периода конкисты – неоспоримыми мастерами искусства следопыта. Оно состоит из шести переплетающихся элементов. Пять из них называются атрибутами воинственности: контроль, дисциплина, терпение, своевременность и воля. Они принадлежат миру воина, борющегося с чувством собственной важности. Шестой элемент, возможно, наиболее важный из всех, относится к внешнему миру и называется мелочным тираном.

Он взглянул на меня, как бы безмолвно спрашивая, понял ли я.

– Я совершенно запутался, – сказал я. – ты продолжаешь говорить, что ла Горда является мелочным тираном в моей жизни. Что же такое мелочный тиран?

– Мелочный тиран – это мучитель, – ответил он. – это кто-нибудь, либо имеющий власть распоряжаться жизнью и смертью воина, либо досаждающий ему смертельно.

Пока он говорил это, на лице его сияла лучезарная улыбка. Он сказал, что новые видящие разработали свою классификацию мелочных тиранов, и хотя эта концепция – одна из важнейших и серьезнейших находок, они развили ее не без чувства юмора. Он уверил меня, что во всякой их классификации присутствует оттенок сарказма, поскольку юмор – это единственное противоядие стремлению человеческого сознания к составлению списков и громоздких классификаций.

Новые видящие, в соответствии со своей практикой, сочли возможным поставить во главу своей классификации первичный источник энергии, первого и единственного правителя вселенной и назвали его просто – тираном. Остальные деспоты и правители, естественно, оказались ниже категории тирана. По сравнению с источником всего, даже наиболее свирепые тиранические люди кажутся просто шутами, поэтому мы им дали название мелочных тиранов –

«пинчес тиранос».

Он сказал, что имеется два подкласса мелочных тиранов. К первому подклассу относятся мелочные тираны, способные преследовать и приносить несчастье, не вызывая все же чьей-либо смерти. Они называются мелочными тиранчиками – «пинчес тиранитос». Второй подкласс состоит из мелочных тиранов, которые только раздражают и наводят скуку без всяких последствий. Они называются мелюзговыми тиранчиками – «репинчес тиранос», или крошечными «пинчес тиранитос чикититос».

Мне эта классификация показалась смешной: я был уверен, что он импровизирует испанские термины. Я спросил его, так ли это.

– Совсем нет, – ответил он с выражением удовольствия. – новые видящие велики в деле классификации, и Хенаро, без сомнения, один из величайших: если бы ты наблюдал за ним внимательно, ты бы тоже понял, как новые видящие относятся к своим классификациям.

Он громко захохотал, когда я спросил его, не дурачит ли он меня.

– И не думал никогда дурачить тебя, – сказал он, улыбаясь. – Хенаро может себе позволить это, но не я, особенно учитывая твоё отношение к классификациям. Это только новые видящие так непочтительны к ним.

Он добавил, что мелочные тиранчики делятся далее ещё на четыре категории. К первой относятся те, кто действует грубо и насильственно. Ко второй – создающие невыносимую тревогу окольным путем. К третьей те, кто угнетает, досаждая. А последняя категория вводит воина в гнев.

– Ла Горда относится к собственному классу, – добавил он. – она действующий мелюзговый тиранчик. Она разрывает тебя на части и сердит тебя. Она даже бьет тебя. Всем этим она обучает тебя отрешенности.

– Это невозможно, – запротестовал я.

– Ты ещё не совместил все составляющие стратегии новых видящих, – сказал он. – когда ты это сделаешь, ты поймешь, насколько умно и эффективно продумана ими стратегия использования мелочного тирана. Я сказал бы ещё, что эта стратегия позволяет не только избавиться от чувства собственной важности, но и готовит воина к окончательному осознанию, что на пути знания идет в счет только непогрешимость.

Он сказал: то, что новые видящие имеют в виду, это смертельный маневр, при котором мелочный тиран высится словно горная вершина, а атрибуты воинственности подобны альпинистам, взбирающимся на нее.

– Обычно в игре участвуют только четыре атрибута, – продолжал он. – пятый – воля – откладывается до предельной реализации, когда воину приходится предстать, так сказать, перед расстрелом.

– Почему это делается?

– Потому что воля принадлежит к другой сфере – к сфере неведомого. Остальные четыре относятся к известному – как раз к тому, где действуют мелочные тираны. В действительности то, что превращает людей в мелочных тиранов, это страстное манипулирование известным.

Дон Хуан объяснил, что взаимодействие всех пяти атрибутов воинственности осуществляется только видящими, которые стали уже непогрешимыми воинами и овладели мастерством управления волей. Такое взаимодействие – это верхний маневр, который нельзя осуществить на обыденной человеческой сцене.

– Четыре атрибута – это все, что необходимо для взаимодействия с худшим из мелочных тиранов, – продолжал он. – при условии, конечно, что такой тиран найден. Как я уже сказал, мелочный тиран – это внешний элемент, такой, над которым у нас нет контроля, и наиболее существенный, пожалуй, из всех: мой благодетель любил повторять, что воин, напоротившийся на

мелочного тирана, это счастливец. Он понимал под этим то, что ты счастливец, если встретил такого на своем пути, иначе придется выйти и поискать его где-то еще.

Он объяснил, что одним из величайших достижений видящих периода конкисты было построение, которое он называл «трехфазной прогрессией». Понимая природу человека, они были способны прийти к неоспоримому выводу, что если видящие смогут справиться с собой перед лицом мелочных тиранов, они будут в силах безупречно встретиться с неведомым, а затем выстоять даже в присутствии непостижимого.

– Реакция среднего человека будет той, что порядок этого построения следует обратить, – продолжал он. – видящий, способный справиться с собой в присутствии неведомого, конечно, встретит мелочного тирана должным образом. Но это не так. Это допущение и погубило многих великолепных видящих древности. Теперь мы знаем это лучше. Мы знаем, что ничто так не закаляет характер воина, как вызов взаимодействовать с невыносимыми людьми, наделенными властью. Только при этих условиях воины могут приобрести ту трезвость, безмятежность, какие необходимы, чтобы выстоять перед лицом непостижимого.

Я яростно спорил с ним. Я сказал ему, что по моему мнению, тираны могут сделать свои жертвы либо беспомощными, либо такими же скотами, как они сами. Я отметил, что было проведено немало исследований по влиянию физических и психических пыток на их жертвы.

– Различие как раз в том, о чем ты говоришь, – остановил он меня, – они жертвы, а не воины. Было время, когда я чувствовал так же, как и ты. Я расскажу тебе, что заставило меня измениться, а пока вернемся опять к тому, что я сказал относительно времени конкисты. Видящие того периода не могли бы найти лучшей почвы: испанцы были теми мелочными тиранами, которые испытывали мастерство видящих до предела. После такого взаимодействия с завоевателями видящие получили способность встретиться с чем угодно. Им повезло – в то время повсюду были мелочные тираны.

– После этих замечательных лет изобилия все слишком изменилось. Мелочные тираны никогда больше не имели таких возможностей: только в те времена их власть была неограниченной. А великолепным ингредиентом в сознании совершенного видящего является мелочный тиран с неограниченными полномочиями.

В наше время, к сожалению, видящим приходится идти на крайние меры, чтобы найти достойного. Большую часть времени приходится удовлетворяться мелюзгой.

– Нашел ли ты себе мелочного тирана, дон Хуан?

– Мне повезло: нашелся тиран королевского достоинства, хотя в то время я чувствовал себя, как ты – я не считал себя счастливым.

Дон Хуан сказал, что божий суд над ним начался за пять недель до того, как он встретил своего благодетеля. Ему тогда было около двадцати лет. Он получил работу на сахарном заводе в качестве подсобного рабочего. Он всегда был очень сильным, поэтому ему не составляло труда найти работу, требующую крепких мышц. Однажды, когда он переносил тяжелые мешки с сахаром, подошла какая-то женщина. Она была очень хорошо одета, и, казалось, что она из богатых. Ей было, видимо, за пятьдесят, сказал дон Хуан, и выглядела она весьма властной. Она посмотрела на дона Хуана, а затем сказала что-то надсмотрщику и ушла. Тогда к дону Хуану подошел надсмотрщик и сказал, что за некоторую плату он рекомендовал бы его для работы в доме хозяина. Дон Хуан ответил ему, что у него нет денег. Надсмотрщик усмехнулся и сказал, что у него будет полно денег в день полочки, он похлопал дона Хуана по спине и заверил его, что это большая честь работать на босса.

Дон Хуан сказал, что будучи примитивным индейцем, который и пищу-то засовывал в рот просто рукой, он не только поверил каждому слову, но и подумал, что добрая фея коснулась его. Он пообещал надсмотрщику заплатить, сколько тот хочет. Тот назвал большую сумму, которую

следует выплачивать по частям.

Сразу после этого надсмотрщик сам отвел дона Хуана к дому, который находился довольно далеко за городом, и передал его там другому надсмотрщику – громадному, мрачному и грязному человеку, который задал кучу вопросов. Он хотел знать относительно семьи дона Хуана. Тот ответил, что у него ее нет. Человек так обрадовался, что даже улыбнулся, обнажая гнилые зубы. Он пообещал дону Хуану, что они будут ему платить достаточно, так что он сможет накопить денег, поскольку ему не придется вообще их тратить, потому что он будет жить и есть в доме.

То, как этот человек засмеялся, было устрашающим. Дон Хуан понял, что нужно немедленно бежать. Он отправился к воротам, но человек стал на пути с револьвером в руке. Он взвел курок и приставил револьвер к животу дона Хуана. «Ты здесь для того, чтобы сработаться до костей, – сказал он. – и не забывай этого». Он избил дона Хуана полицейской дубинкой, а затем отвел его в сторону дома, заметив, что заставляет людей работать без передышки от рассвета до заката, и приказал дону Хуану выкорчевать два громадных пня. Он сказал также дону Хуану, что если тот когда-нибудь еще попытается убежать или пожалуется властям, он застрелит его, а если все же дону Хуану удастся ускользнуть, он поклянется в суде, что дон Хуан пытался убить хозяина. "Ты будешь работать здесь пока не сдохнешь, – сказал тот. – тогда другой индеец займет твое место так же, как ты пришел на место умершего индейца».

Дон Хуан сказал, что дом выглядел, как крепость, с людьми, вооруженными мачете, повсюду. Поэтому он занялся работой, стараясь не думать о своих затруднениях. В конце дня тот же человек вернулся и пинками загнал его на кухню, потому что ему не понравился вызывающий взгляд дона Хуана. Он угрожал перерезать жилы на его руках, если дон Хуан не будет ему повиноваться.

На кухню старуха принесла пищу, но дон Хуан был так расстроен и напуган, что не мог есть. Старуха посоветовала ему есть побольше: «ты должен быть сильным, – сказала она, – потому что работе не будет конца». Она предупредила его, что человек, выполнявший его работу, умер только за день до этого. Он был слишком слаб, чтобы работать, и выпал из окна третьего этажа.

Дон Хуан сказал, что так он работал в доме хозяина в течение трех недель, и что тот человек каждый день запугивал его по всякому поводу. Он заставлял его работать в наиболее опасных условиях, делать невообразимо тяжелую работу под постоянной угрозой ножа, револьвера или полицейской дубинки. Ежедневно он посылал его чистить конюшню, когда там находились беспокойные жеребцы. В начале каждого дня дон Хуан думал, что это его последний день на земле, а выживание означало только то, что завтра он попадет в тот же ад.

Конец ускорило то, что дон Хуан попросил разрешения отлучиться на время. Предлогом было то, что он должен пойти в город, чтобы заплатить надсмотрщику сахарного завода деньги, которые должен. Но его надсмотрщик сказал ему, что дон Хуан не может откладывать свою работу ни на минуту, так как он по уши в долгу за привилегию работать там. Дон Хуан понял, к чему тот клонит: он понял маневр этих людей. Они сговорились получать с завода примитивных индейцев, загонять их до смерти и делить их заработок. Эта мысль его так разозлила, что он бросился с криком через кухню и попал в главное здание. Надсмотрщик и другие рабочие были захвачены врасплох неожиданностью. Он выбежал из парадной двери и убежал, однако надсмотрщик догнал его на дороге и ранил в грудь. Он оставил его умирать.

Дон Хуан сказал, что умереть не было его судьбой: там его нашел его благодетель и выхаживал до тех пор, пока он не поправился.

– Когда я рассказал своему благодетелю всю историю, – продолжал дон Хуан, – тот едва смог сдержать свое возбуждение. «Этот надсмотрщик – настоящая находка, – сказал мой

благодетель. – он слишком хорош, чтобы его потерять, поэтому когда-нибудь тебе придется вернуться в тот дом».

– Он бредил от моей удачи – находки такого, одного на миллион, мелочного тирана с почти неограниченной властью. Я думал, что старик рехнулся. Прошли годы, прежде чем я полностью понял, о чем он говорил.

– Это одна из самых ужасных историй, какую я когда-либо слышал, – сказал я. – ты действительно вернулся в тот дом?

– Конечно, я вернулся – через три года. Мой благодетель был прав: такие мелочные тираны, как этот, встречаются один на миллион, и его нельзя было упустить.

– Как же тебе удалось вернуться?

– Мой благодетель разработал стратегию с использованием четырех атрибутов воинственности: контроля, дисциплины, терпения и своевременности.

Дон Хуан сказал, что его благодетель, объясняя ему, что он должен делать, чтобы воспользоваться выгодой от встречи с человеком-людоедом, рассказал ему также о том, что новые видящие считают четыремя ступенями на пути знания. Первый шаг – это решимость стать учеником. После того, как ученик изменит свой взгляд на мир и на себя, он делает второй шаг и становится воином, то есть способным к предельной дисциплине и контролю над собой. С третьим шагом, овладев терпением и своевременностью, он становится человеком знания. Когда человек знания научится видеть, он делает четвертый шаг и становится видящим.

Его благодетель подчеркнул то, что дон Хуан уже достаточно долго был на пути знания для овладения минимумом первых двух атрибутов – контроля и дисциплины. Дон Хуан отметил, что оба эти атрибута относятся к внутреннему состоянию. Воин самоорганизован, но не в эгоистическом смысле, а в отношении полного и непременного исследования себя.

– В то же время я был огражден от двух других атрибутов, – продолжал дон Хуан. – терпение и своевременность – это не просто внутреннее состояние. Они находятся в области человека знания. Мой благодетель показал мне их через свою стратегию.

– Означает ли это, что ты не смог бы встретиться с мелочным тираном сам по себе? – спросил я.

– Я уверен, что смог бы сделать это и сам, хотя всегда сомневался в том, что я смог бы выполнить это с блеском и радостью. Мой благодетель просто наслаждался случаем направлять это. Идея использования мелочных тиранов нужна не только для совершенствования духа воина, но и для наслаждения и счастья.

– Как может кто-либо получать наслаждение от чудовища, которое ты описал?

– Он ничто по сравнению с настоящими чудовищами, с которыми встретились новые видящие во времена конкисты. По всем указаниям те видящие осуществляли с ними даже непристойные сделки. Они доказали, что даже наихудшие тираны могут привести в восторг при условии, что сам ты – воин.

Дон Хуан объяснил, что ошибка, которую совершают обычные люди при встрече с мелочными тиранами, состоит в том, что они не имеют стратегии отступления. Фатальный дефект заключается в том, что средние люди принимают себя слишком всерьез. Их действия и чувства, так же как и у мелочных тиранов, всепоглощающи. Воины, с другой стороны, не только имеют хорошо обдуманную стратегию, но к тому же свободны от чувства собственной важности. Их чувство собственной важности ограничивает то, что они поняли: реальность это та интерпретация, которую мы даем. Это знание было их решительным преимуществом перед простоватыми испанцами.

Он сказал, что был убежден в том, что сможет победить надсмотрщика, используя единственно лишь осознание того, что мелочные тираны принимают себя слишком серьезно, а

воины – нет. Поэтому, следуя стратегическому плану своего благодетеля, дон Хуан опять получил работу на том же сахарном заводе. Никто не помнил, что он уже работал здесь в прошлом. Поденщики приходили на сахарный завод и уходили бесследно.

Стратегия его предусматривала, что дон Хуан будет к услугам того, кто придет за очередной жертвой. Случилось так, что та же самая женщина пришла и остановила его, как это было несколько лет назад. Теперь он был еще сильнее физически.

Началась та же процедура, однако стратегия предусматривала отказ от платы надсмотрщику с самого начала. Этот человек никогда не получал отказ и потому опешил. Он стал угрожать, что уволит дона Хуана с работы. В ответ дон Хуан пригрозил ему, что сам пойдет к дому госпожи и расскажет ей. Дон Хуан знал, что женщина, жена владельца завода, не знала, что вытворяли эти два надсмотрщика. Он сказал надсмотрщику, что знает где она живет, поскольку работал на близлежащих плантациях, заготавливая сахарный тростник. Этот человек начал торговаться, и дон Хуан потребовал от него денег прежде, чем он примет предложение пойти в дом хозяйина. Надсмотрщик сдался и дал ему несколько бумажек. Дон Хуан прекрасно сознавал, что сговорчивость надсмотрщика – это только хитрость, чтобы заставить его идти в тот дом.

– Наконец, тот же самый надсмотрщик привел меня опять в тот же дом, – сказал дон Хуан. – это была старинная усадьба, владельцем которой был человек с сахарного завода, богач, который либо знал, что происходит, но не интересовался этим, либо был настолько безразличен, что даже не замечал этого.

– Как мы только прибыли туда, я побежал в дом, чтобы повидать госпожу. Я нашел ее, бросился на колени и поцеловал руку в знак благодарности. Оба надсмотрщика побагровели.

Надсмотрщик в доме действовал тем же образом, что и прежде, но у меня была соответствующая экипировка для борьбы с ним: у меня были контроль, дисциплина, терпение и своевременность. Вышло так, как предусмотрел мой благодетель. Мой контроль позволял мне выполнять самые идиотские требования этого человека. Что действительно истощает нас в таких ситуациях, так это вздохи и ахи от чувства собственной важности. Каждый, у кого есть хоть на йоту гордости, будет разорван на части от чувства своего ничтожества.

Я всецело делал все, что он от меня требовал. Я был радостен и полон сил и совсем не беспокоился ни о своей гордости, ни о своем страхе. Я был там как безукоризненный воин: настройка духа, когда кто-то попирает тебя, называется контролем.

Дон Хуан объяснил мне, что стратегия его благодетеля требовала вместо того, чтобы чувствовать огорчение за себя, как было у него раньше, приступить немедленно к работе, составляя карту сильных сторон тирана, его слабостей и причуд.

Он обнаружил, что сильнейшими сторонами тирана была насильственная природа его и смелость – ведь он выстрелил тогда в дона Хуана днем и прямо на глазах множества свидетелей. Его главной слабостью было то, что ему нравилась его служба и он не хотел подвергать себя опасности потерять ее, поэтому ни при каких обстоятельствах он не попытается убить дона Хуана внутри усадьбы в дневное время. Другой его слабостью было то, что он был семейным: у него были жена и ребенок, которые жили в лачуге вблизи дома.

– Собрать всю эту информацию, пока тебя избивают, называется дисциплиной, – сказал дон Хуан. – этот человек был сущим дьяволом – он не знал пощады. Согласно взглядам новых видящих, деяния совершенного мелочного тирана не могут быть искуплены. Дон Хуан сказал, что два других атрибута воинственности, терпение и своевременность, которыми он еще не обладал, автоматически содержались в стратегии его благодетеля. Терпение – это бесстрастное ожидание: ни спешки, ни тревоги, просто поддержание того, что должно.

– Я пресмыкался ежедневно, – продолжал дон Хуан, – иногда плача от ударов бича, и все же я был счастлив. Стратегия моего благодетеля была тем, что позволяло мне переходить от одного

дня к другому без ненависти, я был воином. Я знал, что выжидаю, и знал, чего жду. В этом и состоит великая радость воинственности.

Он добавил, что стратегия его благодетеля была направлена на то, чтобы систематически изводить этого человека, находя прикрытие высшего порядка, так же, как это делали видящие периода конкисты, которые прикрывали себя поддержкой церкви. Простой священник бывает иногда более могущественным, чем дворянин.

Щитом дона Хуана была госпожа, нанявшая его на службу. Он преклонял перед ней колена и называл святой всякий раз, когда видел. Он упросил ее подарить ему медальон с изображением ее святого покровителя, чтобы он мог молиться ему о ее здоровье и благополучии.

– Она мне дала такой медальон, – продолжал дон Хуан, – и это вывело из себя надсмотрщика. А когда я настроил слуг молиться по ночам, у него случился почти сердечный приступ. Я думаю, что тогда он и решил убить меня – он не мог мне позволить действовать так дальше.

Как противодействие я организовал службу по четкам среди всех слуг дома. Хозяйка думала, что я совершаю дела благочестивого человека.

После этого я уже не мог спокойно спать, и я не спал больше в своей кровати. Каждую ночь я залезал на крышу. Оттуда я видел этого человека, дважды искавшего меня среди ночи с убийством в глазах.

Ежедневно он посылал меня чистить конюшни, надеясь, что я буду раздавлен насмерть, но у меня была перегородка из крепких досок, которой я загораживал один из углов и прятался за ней. Этого он не знал, так как его тошнило от

Лошадей – еще одна его слабость, наиболее смертельная из всех, как потом оказалось.

Дон Хуан сказал, что своевременность – это качество, которое управляет освобождением всего, что подготовлено. Контроль, дисциплина и терпение подобны дамбе, за которой все собрано. Своевременность – шлюз этой дамбы.

Этот человек знал только насилие, с помощью которого он терроризировал. Если нейтрализовать это насилие, он становился почти беспомощен. Дон Хуан знал, что этот человек не осмелится убить его на виду у всего дома, поэтому однажды, в присутствии других рабочих и, конечно, на глазах своей госпожи, дон Хуан оскорбил его. Он назвал его трусом, который боится жены хозяина.

Стратегия его благодетеля призывала быть начеку в ожидании такого момента, когда можно опрокинуть столы на мелочного тирана, неожиданные вещи всегда так происходят: нижайший из рабов неожиданно дурачит тирана, насмехается над ним, делает его смешным перед лицом значительных свидетелей, а затем убегает, не дав тирану времени на отмщение.

– Мгновение спустя этот человек обезумел от ярости, а я уже преданно преклонил колени перед госпожой, – продолжал дон Хуан.

Дон Хуан сказал, что когда госпожа вошла в дом, этот человек и его друзья позвали его на задний двор, якобы для выполнения какой-то работы. Этот человек был бледен – он побелел от гнева. По звуку его голоса дон Хуан знал, что он действительно собирается сделать. Дон Хуан притворился согласным, однако вместо того, чтобы идти на задний двор, он побежал в конюшню. Он надеялся, что лошади поднимут такой грохот, что хозяевам придется выйти, чтобы посмотреть, в чем дело. Он знал, что в этом случае тот человек не осмелится убить его: это было бы слышно, а страх того человека потерять службу был слишком обезоруживающим. Дон Хуан знал также, что он не войдет к лошадям, если его не вывести совершенно из себя.

– Я заскочил в стойло к наиболее дикому жеребцу, – сказал дон Хуан, – а мелочный тиран, ослепленный гневом, вынул нож и заскочил за мной. Я тотчас скрылся за перегородкой. Конь

лягнул его разок, и на этом все было кончено.

Я провел шесть месяцев в этом доме и за это время изучил на своем опыте четыре атрибута воинственности. Благодаря им я преуспел. Ни разу я не пожалел себя и не заплакал от чувства оскорбленного достоинства. Я был весел и безмятежен мой контроль и дисциплина были так же остры, как всегда, и у меня были личные свидетельства того, что терпение и своевременность делают для безупречных воинов. И я ни разу не пожелал смерти этому человеку.

Мой благодетель объяснил мне нечто весьма интересное. Терпение означает удержание в духе того, о чем воин знает, что это справедливо. Это не означает, что воин ходит вокруг, строя злобные интриги или планируя свести старые счеты. Терпение – это нечто независимое. Когда воин обрел контроль, дисциплину и своевременность, тогда терпение обеспечивает то, что должно произойти с тем, кто этого заслуживает.

– Бывает ли так, что мелочные тираны выигрывают и убивают воина, столкнувшегося с ними? – спросил я.

– Конечно. Было время, когда воины гибли, как мухи, – в начале конкисты. Их ряды поредели. Мелочные тираны могли любого придать смерти по прихоти. Под действием такого рода давления видящие достигли тончайших состояний.

Дон Хуан сказал, что это было время, когда оставшиеся в живых видящие должны были доводить себя до предела, чтобы найти новые пути.

– Новые видящие использовали мелочных тиранов, – сказал дон Хуан, пристально глядя на меня, – не только для того, чтобы освободиться от чувства собственной важности, но и для исполнения сложного маневра – выведения себя из этого мира. Ты поймешь этот маневр по мере того, как мы будем продвигаться в обсуждении искусства сознания и управления им.

Я сказал дону Хуану, что хотел бы знать, могут ли в наше время мелочные тираны, которых он называет «мелюзгой», победить все же воина.

– Во все времена, – ответил он. – последствия, конечно, не столь страшны, как в те отдаленные времена. Сейчас очевидно, что воины имеют шанс справиться или спастись и вернуться позже. Но есть и другая сторона этой проблемы: быть побежденным «мелюзгой» не смертельно, но разрушительно. Степень смертности, фигурально говоря, почти так же велика. Под этим я подразумеваю, что воин, скончавшийся под действием мелюзгового тиранчика, раздавлен в буквальном смысле слова своим собственным поражением и бесполезностью. Это и означает для меня «высокую смертность».

– Как ты определяешь поражение?

– Всякий, кто присоединяется к мелочным тиранам, потерпел поражение. Действовать в гневе, без контроля и дисциплины, не иметь терпения – это означает потерпеть поражение.

– Что случается после того, как воин потерпел поражение?

– Он либо перестраивается, либо оставляет поиск знания и присоединяется к рядам мелочных тиранов в обыкновенной жизни.

3. Эманыции Орла

На другой день дон Хуан и я вышли на прогулку по дороге, ведущей в город Оаксаку. В это время дорога была пустынной. Было два часа дня. Мы неторопливо двигались, и дон Хуан совершенно неожиданно начал беседу. Он сказал, что наш разговор относительно мелочных тиранов был просто введением к теме сознания. Я заметил, что он открыл мне новую перспективу. Он попросил меня объяснить, что же я понял.

Я сказал ему, что он положил конец тому спору, который мы вели несколько лет назад относительно индейцев яки. В процессе изложения своих учений для правой части он пытался мне рассказать о тех преимуществах, которые могли бы найти индейцы яки в притеснении. Я тогда страстно спорил и говорил, что невозможно найти преимущества в том извращенном положении, в каком они живут. И я сказал ему, что не могу понять, как он сам, будучи индейцем яки, не реагировал против этой явной несправедливости.

Он выслушал внимательно, а затем, когда я был уверен, что он будет защищать свою точку зрения, он согласился с тем, что условия жизни индейцев яки действительно извращены. Но он отметил, что в этом отношении бесполезно выделять индейцев яки, потому что условия жизни всех людей вообще ненормальны.

– Не огорчайся за бедных индейцев яки, – сказал тогда он, – подумай обо всем человечестве. А относительно индейцев яки я могу сказать, что они из счастливейших: они подавлены и благодаря этому некоторые из них в конце могут выйти победителями, а угнетатели, мелочные тираны, подавившие их, не имеют ни шанса даже в аду.

Я немедленно ответил на это градом политических лозунгов – я совсем не понял его точки зрения. Он опять пытался изложить мне всю концепцию мелочных тиранов, но все это прошло мимо меня. И только теперь все встало на свое место.

– Ничего еще не стало на свое место, – сказал он, посмеиваясь над тем, что я рассказал ему. – завтра, когда ты будешь в своем нормальном состоянии сознания, ты даже не вспомнишь о том, что сейчас понял.

Я почувствовал себя совершенно подавленным, потому что знал, что он прав.

– То, что происходит сейчас с тобой, было и со мной, – продолжал он. – мой благодетель, нагваль Хулиан, заставлял меня понять в состоянии повышенного сознания то, что ты осознал относительно мелочных тиранов, и я кончил тем, что в своей повседневной жизни изменил свое мнение, сам не зная почему.

– Я всегда был угнетаемым, поэтому у меня была реальная злоба по отношению к своим угнетателям. Вообрази себе мое удивление, когда я обнаружил, что ищу компании мелочных тиранов – я подумал, что сошел с ума.

Мы дошли до места на той стороне дороги, где оставались полупогребенными старым обвалом несколько больших валунов. Дон Хуан направился к ним и сел на плоский камень. Он жестом указал мне сесть рядом, лицом к нему, и сразу без всяких предисловий начал объяснения относительно искусства управления сознанием. Он сказал, что есть ряд истин, которые были открыты видящими, древними и новыми, относительно сознания, и что эти истины были выстроены в определенной последовательности с целью их понимания.

Он объяснил, что мастерство управления сознанием состоит в усвоении всей последовательности таких истин. И первая истина состоит в том, что наше знакомство с воспринимаемым нами миром принуждает нас верить, что мы окружены предметами, существующими сами по себе и независимо, так, как мы их воспринимаем, тогда как в действительности нет мира предметов, а есть вселенная эманыций Орла. Он сказал также, что

прежде, чем он объяснит мне эманации Орла, он должен рассказать мне относительно неведомого и непостижимого.

Он сказал также, что прежде, чем он объяснит мне эманации Орла, он должен рассказать мне относительно неведомого и непостижимого. Он сказал, что большинство истин относительно сознания открыты древними видящими, однако порядок их расстановки выработан новыми видящими, а без этого порядка они почти непостижимы.

Он сказал, что отсутствие поиска порядка – одна из величайших ошибок древних видящих. Смертельным следствием этого явилось допущение того, что неведомое и непостижимое – это одно и то же. И только новые видящие исправили эту ошибку. Они установили границы и определили неведомое как нечто, скрытое от человека, одетое, возможно, устрашающим образом, однако находящееся все-таки в пределах человеческой досягаемости. Неведомое в свое время становится известным. Непостижимое, с другой стороны – это неопишное, невыразимое, неосуществимое. Это что-то такое, что никогда не будет нам известно, однако это что-то есть там – ослепляющее и в то же время устрашающее в своей огромности.

– Как могут видящие сделать это различие? – спросил я.

– Есть простое правило большого пальца, – сказал он. – перед лицом неведомого человек предприимчив: свойство неведомого – вселять в нас чувство надежды и счастья. Человек чувствует себя крепким и оживленным – даже опасения, которые оно вызывает, содержат что-то многообещающее. Новые видящие увидели, что человек выявляет свои лучшие качества перед лицом неведомого.

Он сказал далее, что когда за неведомое принимается непостижимое, результаты разрушительны. Видящие чувствуют себя опустошенными, запутавшимися, ужасная подавленность овладевает ими: их тело теряет тонус, их разум и трезвость блуждают, так как у непостижимого совершенно отсутствуют энергетизирующие эффекты. Оно за пределами человеческой досягаемости и в него не следует вторгаться по глупости или даже с предосторожностями. Новые видящие осознали, что в этом случае следует быть готовыми заплатить невероятную цену за легчайший контакт с ним.

Дон Хуан объяснил, что новым видящим, чтобы победить, пришлось преодолеть ужасные барьеры старой традиции. И в то же время, когда начался новый цикл, никто из них определенно не знал, какие процедуры из этой огромной традиции правильны, а какие нет. Очевидно было, что что-то не так со старыми видящими, однако новые не знали, что именно. Они начали с предположения, что все, что делали их предшественники, ошибочно. Эти древние видящие были мастерами догадок, например, они допустили, что их способность видеть оберегает их. Они думали, что они неприкосновенны, и это длилось до тех пор, пока завоеватели не раздавили их и не предали многих из них страшной смерти. У древних видящих вообще не было никакой защиты, хотя они были полностью уверены, что неуязвимы.

Новые видящие не стали попусту терять время на размышления о том, что же случилось. Вместо этого, они начали набрасывать карту неведомого, чтобы выделить его из непостижимого.

– Как они стали картографировать неведомое, дон Хуан? – спросил я.

– Посредством контролируемого использования видения, – ответил он.

Я сказал, что, задавая вопрос, я намеревался узнать, что представляет собой картографирование неведомого. Он ответил, что картографировать неведомое – значит делать его доступным нашему восприятию. Постоянно практикуя видение, новые видящие обнаружили, что неведомое и ведомое в действительности лежат на одном и том же фундаменте, поскольку оба они находятся в пределах человеческого восприятия. В действительности видящие могут в любой момент оставить известное и войти в неведомое.

А то, что находится за пределами нашей способности восприятия, это непостижимое. И различие между ним и неведомым критическое. Путаница между ними может поставить видящих в очень опасное положение при встрече с непостижимым.

– Когда это произошло с древними видящими, – продолжал дон Хуан. – они решили, что не сработали их процедуры: им никогда не приходило в голову, что большинство из того, чем они занимались, находится за пределами нашего понимания. И это было ужасной ошибкой с их стороны, за которую они дорого заплатили.

– Что случилось после того, как различие между неведомым и непостижимым было осознано? – спросил я.

– Начался новый цикл, – ответил он. – это различие и является границей между новым и старым: все, что сделали новые видящие, исходит из понимания этого различия.

Дон Хуан сказал, что видение является критическим элементом в разрушении мира древних видящих и в реконструкции новых взглядов. Именно через видение новые видящие открыли некоторые неопровержимые факты, которыми они воспользовались, чтобы прийти к определенным, революционным для них выводам относительно природы мира и человека. Эти выводы, позволившие начать новый цикл, и были теми истинами, которые дон Хуан излагал мне относительно сознания.

Дон Хуан пригласил меня сопровождать его в центр города для прогулки вокруг площади. По пути мы стали беседовать о машинах и разных тонких инструментах. Он сказал, что инструменты – это продолжение наших органов чувств, а я настаивал на том, что есть инструменты и не из этой категории, поскольку они выполняют функции, которые мы физиологически не в состоянии выполнить.

– Наши органы чувств способны на все, – заверил он.

– Я могу дать тебе подходящий пример, – сказал я. – есть инструменты, способные принимать радиоволны, приходящие из космоса, а наши чувства не могут их улавливать.

– Я убежден в другом, – сказал он. – я думаю, что наши чувства могут уловить все, что находится в нашем окружении.

– Ну, а как насчет ультразвука? – настаивал я. – у нас нет органического снаряжения, чтобы слышать его.

– Видящие убеждены, что мы коснулись пока очень малой части самих себя, – ответил он.

Он погрузился на время в размышления, как бы пытаясь решить, что сказать дальше. Затем он улыбнулся.

– Первой истиной относительно сознания, как я уже сказал тебе, – начал он. – Является то, что окружающий нас мир совсем не таков, как мы думаем. Мы думаем, что это мир вещей, а он таким не является.

Он помедлил, как бы оценивая эффект своих слов. Я сказал ему, что согласен с этой предпосылкой, поскольку все можно свести к полю энергии. Он сказал, что я интуитивно почти проник в истину, однако выразить – это не значит проверить. Он сказал, что его не интересует мое согласие или несогласие, а интересуется моя попытка понять, что содержится в этой истине.

– Ты не можешь быть свидетелем поля энергии, – продолжал он. – по крайней мере, как средний человек, однако если бы ты был способен видеть его, ты был бы видящим и в этом случае ты объяснял бы истины сознания. Понимаешь ли ты то, что я говорю?

Далее он сказал, что выводы, к которым мы приходим рациональным путем, имеют очень мало влияния на изменение нашего жизненного пути. Поэтому так бесконечно велико число людей, имеющих яснейшие убеждения, однако действующих все время вопреки им. Единственным оправданием для себя они считают то, что «человеку свойственно ошибаться».

– Первой их истиной является убеждение, что мир таков, каким кажется, однако это не так:

он не так прочен и реален, как нас пытается убедить наше восприятие, однако он не призрак. Мир – это не иллюзия, как о нем иногда говорят, он реален с одной стороны и не реален с другой. Обрати на это особое внимание, поскольку это следует понять, а не просто принять. Мы воспринимаем – это твердый факт, однако же, что мы воспринимаем, это факт не того же рода, поскольку мы учимся тому, что воспринимать.

Что-то оттуда действует на наши чувства – это та часть, которая реальна. Нереально то, что наши органы чувств говорят нам об этом. Возьмем, например, гору. Наши органы чувств говорят нам, что это объект: он имеет размеры, цвет, форму. Мы даже разбиваем горы по категориям, и это, пожалуй, верно. Относительно этого пока все верно, дефект только в том, что нам никогда не приходит в голову, что наши органы чувств играют лишь поверхностную роль, а наши чувства воспринимают так потому, что особая черта нашего сознания заставляет их делать это.

Я опять начал соглашаться с ним, но не потому, что хотел этого, я не вполне понял его аргументы, скорее всего я просто среагировал на угрожающую обстановку. Он остановил меня.

– Я воспользовался словом «мир», – продолжал дон Хуан. – для обозначения всего, что окружает нас. У меня есть, конечно, лучший термин, но он будет для тебя малопонятным. Видящие говорят, что мы думаем, что это мир предметов только потому, что таково наше сознание. Но то, что реально там находится, так это эманации Орла – текущие, всегда в движении, и все же неизменные, вечные.

Когда я захотел спросить его, что же представляют собой эманации Орла, он остановил меня жестом. Он пояснил, что одно из наиболее драматических открытий, которое нам завещали древние видящие, то, что смыслом существования всех чувствующих существ является рост сознания. Дон Хуан назвал это колоссальным открытием.

В полушутливом тоне он спросил меня, не знаю ли я лучшего ответа на этот вопрос, который всегда преследовал человека – вопрос о смысле нашего существования. Я встал незамедлительно в защитную позицию и начал говорить о бессмысленности постановки этого вопроса, поскольку на него нет логического ответа. Я сказал ему, что для того, чтобы обсудить этот предмет, нам следовало бы поговорить о религиозных верованиях и обратить все это в дело веры.

– Древние видящие не просто говорили о вере, – сказал он. – хотя они и не были столь практичны, как новые видящие, однако они были достаточно практичны, чтобы понять то, что видят. То, на что я хотел обратить внимание своим вопросом, так сильно тебя расстроившим, состоит в том, что только наша рациональность не может подойти к этому вопросу о смысле нашего существования. Всякий раз, когда она это делает, ответ превращается в дело веры. Древние видящие пошли другим путем и нашли ответ, который основан не только на вере.

Он сказал, что древние видящие, встречаясь с несказанными препятствиями, в действительности видели ту неопишемую силу, которая является источником всех чувствующих существ. Они называли ее орлом, поскольку в тех немногих взглядах украдкой, какие они могли вынести, они видели ее в виде чего-то, напоминающего пестрого черно-белого Орла бесконечной протяженности.

Они видели, что этот орел наделяет сознанием, орел творит чувствующие существа так, чтобы они могли жить и обогащать сознание, данное им вместе с жизнью. Они также увидели, что орел пожирает это самое обогащенное сознание после того, как чувствующие существа лишаются его в момент смерти.

– Для древних видящих, – продолжал дон Хуан. – сказать, что смыслом существования является рост сознания, не было вопросом веры или дедукции – они видели это.

Они видели, что сознание чувствующих существ улетает в момент смерти и воспаряет, как светящаяся паутинка, прямо к клюву Орла, чтобы быть поглощенным. Для древних видящих это

было доказательством того, что чувствующие существа живут только для того, чтобы обогатить сознание, то есть пищу Орла.

Дону Хуану пришлось прервать объяснения, так как ему пришлось отлучиться на короткое время по делам. Нестор отвез его в Оаксаку. Видя их отъезжающими, я вспомнил, что в начале моей связи с доном Хуаном каждый раз, когда он упоминал об отъезде по делам, я думал, что это благовидный предлог для чего-то еще, однако в конце концов я понял, что это было действительно то, о чем он говорил. Когда предстояла такого рода поездка, он надевал один из многих своих безупречно сшитых костюмов с жилетом и выглядел тогда как угодно, но только не как старый индеец, которого я знал. Я сообщил ему относительно сложности для меня этой его метаморфозы.

– Нагваль – это некто, достаточно гибкий для того, чтобы быть всем, чем угодно, – ответил он тогда. – быть нагвалем, кроме всего прочего, означает также не иметь ничего, что нужно было бы защищать. Запомни это: мы будем возвращаться к этому неоднократно.

Мы действительно возвращались к этому не раз под различными предлогами. Он как будто действительно не имел ничего, что нужно было бы защищать, однако во время его отъезда в Оаксаку у меня появилась тень сомнения в этом. Неожиданно я осознал, что нагваль имеет все-таки один пункт, требующий защиты: описание Орла и его требований, и защита эта, по моему мнению, должна быть страстной.

Я пытался поставить этот вопрос некоторым из компаньонов дона Хуана, но они уклонились от моих попыток. Они сказали, что я, так сказать, нахожусь в карантинном положении по отношению к такого рода обсуждениям до тех пор, пока дон Хуан не закончит свои объяснения. Сразу, как только он вернулся, мы сели для беседы, и я спросил его об этом.

– Эти истины не являются чем-то, что требует страстной защиты, – ответил он. – если ты думаешь, что я собираюсь их защищать, ты ошибаешься. Эти истины сгруппированы вместе для восторга и просветления воинов, а не для возбуждения каких-то собственнических чувств. Когда я сказал тебе, что нагвалю нечего защищать, я имел в виду, между прочим, что у нагваля нет страстных привязанностей.

Я сказал ему, что не следую его учению, поскольку одержим описанием Орла и его действий. Я все время возвращаюсь к ужасу этой идеи.

– Это не идея, – сказал он. – это факт, и я могу сказать – устрашающий факт, если ты спросишь меня об этом. Новые видящие не играют просто в идеи.

– Но какого же рода силой может быть орел?

– Я не знаю, как ответить на это: орел для видящих так же реален, как для тебя тяготение и время, и так же абстрактен и непостижим.

– Подожди минутку, дон Хуан. Это действительно абстрактные понятия, однако они относятся к реальным явлениям, которые подтверждаются. Есть целые отрасли знания, посвященные этому.

– Орел и его эманации равным образом имеют подтверждение, – возразил дон Хуан. – а исследования новых видящих как раз этому и посвящены.

Я попросил его объяснить, что же представляют собой эманации Орла. Он ответил, что эманации Орла – это невыразимые вещи в себе, охватывающие все существующее – познаваемое и непознаваемое.

– Невозможно описать словами, что представляют собой эманации Орла, – продолжал дон Хуан. – видящие должны стать свидетелями этого.

– Был ли ты сам их свидетелем, дон Хуан?

– Конечно был, и все же я не могу сказать тебе, что они такое. Они являются присутствием, почти как масса своего рода, как давление, создающее ослепительное ощущение. Можно

схватить лишь их отблеск, так же, как можно схватить лишь отблеск Орла.

– Мог бы ты сказать, дон Хуан, что орел является источником своих эманаций? – я имею в виду, так ли это визуально?

– В орле нет ничего визуального – все тело видящего ощущает Орла. В каждом из нас есть что-то, что делает нас свидетелями всем своим телом. Видящие объясняют акт видения Орла в очень простых выражениях: поскольку человек составлен из эманаций Орла, ему следует обратиться только к собственным составляющим. Проблема возникает с сознанием, – ведь именно его сознание удушено и спутано. В критический момент, когда должен быть простейший случай признания эманациями самих себя, человеческое сознание принуждено интерпретировать. В результате получается видение Орла и его эманаций, однако нет ни Орла, ни его эманаций, а есть нечто, чего ни одно живое существо не в состоянии уловить.

Я спросил его, не потому ли источник эманаций называют орлом, что орлы вообще рассматриваются как важный символический образ.

– Это просто пример того, когда нечто непостижимое смутно напоминает что-то известное, – ответил он. – по этой причине, конечно, и были сделаны попытки наделить орлов атрибутами, которых у них нет. Это случается всегда, когда впечатлительные люди учатся исполнению акта, требующего великой трезвости. А видящие входят во все размеры и формы.

– Означает ли это, что есть различные роды видящих?

– Нет, я имею в виду просто то, что есть достаточно безумцев, становящихся видящими – видящими, полными слабостей, или, лучше сказать, людей со слабостями, способных стать видящими. Они похожи на тех несчастных, которые стали «выдающимися» учеными.

Характерной чертой несчастных видящих является то, что они хотят забыть чудеса мира. Они переполнены тем, что они видящие, и полагают, что это их добрый гений. На самом деле видящий должен быть образцом, чтобы преодолеть непобедимую слабость нашего человеческого положения. Еще более важным, чем видение, является то, что видящие делают с тем, что они видящие.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

– Взгляни на то, что некоторые видящие сделали с нами: мы оказались пригвожденными их видением Орла, правящего нами и пожирающего нас в момент смерти.

Он сказал, что в этом видении есть определенная слабость, и что лично он не поддерживает идею чего-то пожирающего нас. Для него более точно было бы сказать, что есть сила, притягивающая наше сознание, подобно тому, как магнит притягивает железо. В момент смерти все наше существо распадается под воздействием этой громадной силы притяжения. Интерпретацию этого момента, как пожирание нас орлом, он считает гротеском, поскольку это обращает неопишуемый акт во что-то столь повседневное.

– Я очень посредственный человек, – сказал я. – описание Орла, пожирающего нас, произвело на меня сильное впечатление.

– Реальное воздействие можно будет измерить только тогда, когда ты увидишь это сам, – сказал он. – однако ты должен помнить, что наши дефекты остаются с нами даже тогда, когда мы становимся видящими. Так что, когда ты увидишь силу, ты, возможно, согласишься с теми слабыми видящими, которые называют ее орлом, как это делаю я сам. Но, возможно, ты не согласишься: может быть, ты сможешь устоять перед искушением приписать человеческие атрибуты непостижимому и создашь действительно новое, более точное название.

– Видящие, которые видят эманации Орла, часто называют их «командами», – сказал дон Хуан. – я не имел бы ничего против того, чтобы называть их командами, если бы не привык называть их эманациями. Это реакция на предпочтение, которое оказывал этому термину мой благодетель: для него это были «команды». Я думаю, что это слово больше подходило для его

силовой личности, чем мне, а мне хочется чего-то безличного. «Команда» звучит для меня слишком по-человечески, однако это то, чем они в действительности являются – командами.

Дон Хуан сказал, что видеть эманации Орла – это накликать несчастье. Новые видящие вскоре открыли связанные с этим ужасные трудности, но только после больших несчастий при попытках картирования неведомого и отделения его от непостижимого они все же осознали, что все сделано из эманаций Орла. Лишь малая часть этих эманаций находится в пределах досягаемости человеческого сознания, но даже эта малая часть уменьшается дальше под действием ограничений нашей повседневной жизни. Именно эта ничтожная часть эманаций Орла и становится ведомым, немного большая часть, вообще доступная человеку – неведомым, а неисчислимым остаток – непостижимым.

Он продолжил разговор и сказал, что новые видящие, имеющие прагматическую ориентацию, немедленно осознали принуждающую силу этих эманаций. Они поняли, что все живые существа вынуждены пользоваться эманациями Орла, даже не зная, что они такое. Они также поняли, что организмы построены для захвата некоторого диапазона этих эманаций, и каждый вид имеет свой диапазон. Эти эманации оказывают большое давление на организмы, и именно через это давление организмы и строят воспринимаемый ими мир.

– В нашем случае бытия человеческих существ, – сказал дон Хуан. – мы пользуемся этими эманациями и интерпретируем их, как реальность, но то, что человек воспринимает – это только малая доля эманаций Орла, поэтому смешно слишком полагаться на наши органы чувств, и все же для нас невозможно отбросить свое восприятие. Новые видящие обнаружили это трудным путем, пройдя через ужасные опасности.

Дон Хуан сидел на своем обычном месте в большой комнате. Обычно в этой комнате не было мебели: люди сидели прямо на матрацах, положенных на пол, однако Кэрл, женщина-нагваль, позаботилась о том, чтобы снабдить эту комнату очень удобными креслами для наших встреч, когда мы с ней по очереди читали ему из книг испаноязычных поэтов.

– Я хотел бы, чтобы ты ясно осознавал, чем мы занимаемся, – сказал он, как только я сел. – мы обсуждаем искусство управления сознанием. Истины, о которых мы говорим – это принципы этого искусства.

Он добавил, что в своих учениях для правой стороны он уже продемонстрировал эти принципы моему нормальному сознанию с помощью одного из своих компаньонов, Хенаро, и что Хенаро играл с моим сознанием со всем юмором и непочтительностью, на какие способны новые видящие.

– Хенаро – это один из тех, кто должен был бы быть здесь и рассказать тебе об орле, – сказал он. – но с тем исключением, что его версии слишком непочтительны. Он думает, что видящие, назвавшие эту силу орлом, либо слишком тупы, либо сыграли злую шутку, поскольку орлы не только несут яйца, но и откладывают помет.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что он находит замечания Хенаро настолько уместными, что не может не засмеяться. Он добавил, что если бы новым видящим пришлось описать Орла, то это описание наполовину было бы шуткой.

Я сказал дону Хуану, что на одном уровне я принял Орла как поэтический образ, и как таковой, он приводит меня в восторг, однако на другом уровне я принял его буквально, и это устрашает меня.

– Одна из великих сил в жизни воина – это страх, – сказал он. – он прищипывает в учении. Он напомнил мне, что описание Орла пришло от древних видящих. Новые видящие покончили с описаниями, сравнениями и догадками любого рода. Они хотели пробиться непосредственно к источнику вещей и, следовательно, подвергали себя при этом беспредельной опасности. Они все же увидели эманации Орла, но никогда не вмешивались в его символическое

описание. Они почувствовали, что видение Орла отнимает слишком много энергии, а древние видящие уже дорого заплатили за беглый взгляд на непостижимое.

– Как древние видящие подошли к тому, чтобы описать Орла? – спросил я.

– Им был нужен минимальный набор указаний относительно непостижимого для обучения, – ответил он. – они разрешили эту задачу путем грубого описания силы, правящей всем, что есть, но не ее эманаций, поскольку эти эманации совершенно невозможно передать на языке сравнений. Отдельные видящие могли чувствовать потребность прокомментировать некоторые эманации, но все это осталось в личном плане. Другими словами, не было создано удачной версии для эманаций, как это было сделано в случае Орла.

– Новые видящие, наверно, стали слишком абстрактными, – сказал я. – они ведут себя, как современные философы.

– Нет, новые видящие – это очень практичные люди, – ответил он. – они не занимаются приготовлением рационалистических теорий.

Он сказал, что именно древние видящие и были абстрактными мыслителями: они построили монументальное здание абстракций, свойственных им и их эпохе, и, подобно современным философам, они были неспособны управлять последовательностью событий. Новые видящие, с другой стороны, наполненные стремлением к практичности, сумели увидеть поток эманаций и то, как человек и другие живые существа используют их для конструирования воспринимаемого ими мира.

– Как эти эманации используются человеком, дон Хуан?

– Это настолько просто, что звучит по-идиотски: для видящего люди являются светящимися существами. Наша светимость образована той частью эманаций Орла, которая заключена в нашем яйцеобразном коконе. Эта особая часть, эта горстка заключенных в нем эманаций и есть то, что делает нас людьми. Воспринять – это значит сопоставить эманации, заключенные внутри нашего кокона, с теми, которые находятся вовне.

Видящие могут видеть, например, эманации внутри любого другого существа и сказать, какие из внешних эманаций могут подойти им.

– Подобны ли эманации лучам света? – спросил я.

– Нет, не совсем, это было бы слишком просто. Они – нечто неопишное. И все же я лично сказал бы, что они подобны волокнам света. А то, что непостижимо обычному сознанию, что эти волокна – сознательные. Я не могу сказать тебе точно, что это значит, потому что сам не знаю, что говорю. Все, что я могу сказать лично, это то, что волокна осознают себя, они живые и вибрирующие и их так много, что числа в этом случае не имеют никакого смысла, и каждое из них – вечность в себе.

4. Свет сознания

Мы с доном Хуаном и с доном Хенаро только что вернулись с окрестных гор, где собирали растения. Мы сидели в доме дон Хенаро вокруг стола, когда дон Хуан заставил меня изменить уровень сознания. Дон Хенаро уставился на меня и начал цокать языком. Он сказал, что находит весьма странным, что у меня два совершенно различных стандарта отношений при работе с двумя сторонами сознания. Наиболее очевидным примером этого являются наши с ним отношения. Когда я нахожусь на моей правой стороне, он для меня уважаемый и устрашающий колдун дон Хенаро, человек, чьи непостижимые действия приводят меня в восторг и в то же время смертельно пугают. Когда же я на левой стороне, он просто Хенаро или Хенарито, без всяких «донов» перед именем, очаровательный и добрый видящий, чьи действия совершенно понятны и находятся в точном соответствии с тем, что я сам делаю или пытаюсь сделать.

Я согласился с ним и добавил, что, когда я нахожусь в своей левой части, человеком, который заставляет меня трястись, как лист, является Сильвио Мануэль – наиболее таинственный из компаньонов дон Хуана. Я добавил также, что дон Хуан, будучи нагвалем, превосходит произвольные стандарты, и я отношусь к нему с уважением и восхищением в обоих своих состояниях.

– А боится ли он? – спросил Хенаро странным голосом.

– Очень боится, – ответил ему дон Хуан фальцетом.

Мы все засмеялись, однако дон Хуан и дон Хенаро смеялись так нарочито, что я заподозрил, что они что-то скрывают.

Дон Хуан прочитывал меня, словно книгу. Он объяснил, что в промежуточном состоянии, перед тем, как полностью войти в левостороннее состояние сознания, человек способен к ужасному сосредоточению, однако он так же сильно подвержен любому мыслимому внушению: на меня, например, подействовало подозрение.

– Ла Горда всегда в этом состоянии, – сказал он. – она учится превосходно, но у нее королевские замашки. Она не выносит ничего, что попадает ей на пути, включая, конечно, и такие хорошие вещи, как глубокая сосредоточенность.

Дон Хуан объяснил, что новые видящие открыли, что переходный период является временем, когда происходит глубочайшее обучение. Это также время, когда за воином следует присматривать и давать объяснения, так, чтобы он мог правильно оценить их. Если не дать объяснений до перехода воина на левую сторону, они могут стать великими колдунами, но слабыми видящими, как это было с древними толтеками.

Воины-женщины особенно часто становятся жертвами левостороннего обучения. Они так податливы, что могут переходить на левую сторону без усилия, часто даже по собственной инициативе.

Долгое молчание привело к тому, что Хенаро уснул. Дон Хуан начал говорить. Он сказал, что новые видящие ввели ряд терминов для объяснения второй истины сознания. Его благодетель изменил некоторые из этих терминов по-своему, и он сам сделал то же, руководствуясь уверенностью видящих, что выбор термина не столь существенен, если истина проверена видением.

Мне было любопытно, какие термины он изменил, однако я не знал толком, как спросить об этом. Он понял это так, что я сомневаюсь в его праве или способности изменять и объяснил, что если позволить терминам возникать на уровне рассудка, они будут говорить только о светском согласии в обыденной жизни. С другой стороны, когда предлагают термин видящие, это не может быть фигуральным выражением, поскольку он возникает из видения и охватывает

все, что видящий может достичь.

Я спросил его, почему он изменил термины.

– Обязанность нагваля – искать лучшие пути для объяснения, – ответил он. – время все меняет, и каждый новый нагваль должен ввести новые слова, новые идеи для описания своего видения.

– Означает ли сказанное, что нагваль берет идеи из мира повседневной жизни? – спросил я.

– Нет, я имел в виду, что нагваль говорит о видении всегда по-новому, – ответил он. – например, как новый нагваль, ты должен будешь сказать, что сознание ведет к возникновению восприятия. При этом ты передашь то же, что говорил мой благодетель, но иным путем.

– Что же все-таки новые видящие говорят о восприятии, дон Хуан?

– Они говорят, что восприятие – это условие настройки: эманации внутри кокона подстраиваются к внешним, подходящим к их эманациям. Настройка это то, что позволяет всем живым существам культивировать сознание. Видящие утверждают это, поскольку они видят живые существа так, как они есть – светящимися, словно капля беловатого света.

Я спросил его, как эманации внутри кокона подходят тем, которые вовне, так, что возникает восприятие.

– Эманации внутри и эманации вовне, – ответил он. – это те же волокна света. Чувствующие существа – это пузырьки, сделанные из этих волокон, микроскопические точки света, прикрепленные к бесконечным эманациям.

Далее он объяснил, что светимость живых существ составляется той особой частью эманаций Орла, которая содержится внутри их светящихся коконов. Внешняя светимость притягивает внутреннюю, она, так сказать, ловит ее и фиксирует. Эта фиксация и определяет сознание всякого отдельного существа.

Видящие могут также видеть, как эманации, внешние по отношению к кокону, оказывают особое давление на ту часть, которая внутри. Это давление определяет тот уровень сознания, который имеет данное существо.

Я попросил объяснить, как эманации Орла, внешние кокону, оказывают давление на эманации внутри. – эманации Орла – это больше, чем волокна света, – ответил он. – каждая из них является источником безграничной энергии. Думай об этом следующим образом: поскольку некоторые эманации, внешние кокону, являются теми же самыми, что и внутри, их энергии подобны непрерывному давлению. Однако кокон изолирует эманации, которые внутри его перепонки, и тем самым направляет давление.

Я говорил тебе, что древние видящие были мастерами манипулирования сознанием, – продолжал он. – то, что я могу теперь добавить, это то, что они были мастерами этого искусства, поскольку научились манипулировать структурой человеческого кокона. Я говорил тебе, что они разгадали тайну сознания. Под этим я подразумеваю, что они увидели и осознали, что сознание – это сияние в коконе живых существ. Они правильно называли это светом сознания.

Он объяснил, что древние видящие увидели, что человеческое сознание

– Это свечение янтарного цвета, более интенсивное, чем остальная часть кокона. Это свечение находится на проходящей по всей его длине узкой вертикальной полосе правой части кокона, с края. Мастерство древних видящих состояло в перемещении этого свечения так, чтобы сдвинуть его с первоначального места на поверхности кокона внутрь по ширине.

Он остановился и взглянул на Хенаро, который по-прежнему глубоко спал.

– Хенаро не вносит ничего в объяснение, – сказал он. – Хенаро – деятель. Мой благодетель постоянно наталкивал его на неразрешимые проблемы, так что он вошел в левую часть и никогда не имел возможности размышлять и удивляться.

– Не лучше ли идти этим путем, дон Хуан?

– Это зависит от обстоятельств. Для него это идеально, но для меня и тебя это не будет удовлетворительно, поскольку мы призваны, так или иначе, объяснять. Хенаро и мой благодетель больше похожи на древних, чем на новых видящих: они могут управлять и делать со светом сознания, что хотят.

Он встал с матраца, на котором мы сидели, и потянулся, вытягивая руки и ноги. Я настаивал, чтобы он продолжал беседу, но он улыбнулся и сказал, что я нуждаюсь в отдыхе: мое сосредоточение иссякло.

Послышался стук в дверь и я проснулся. Было темно. Сначала я не мог вспомнить, где я. Что-то во мне было далеко, как если бы какая-то часть меня все еще спала, хотя я проснулся полностью. Через открытое окно поступало достаточно света луны, так что можно было видеть.

Я увидел, как дон Хенаро встал и пошел к двери. Тогда я понял, что нахожусь в его доме. Дон Хуан глубоко спал на полу на матраце. У меня было определенное впечатление, что мы все трое крепко уснули из-за смертельной усталости из-за вылазки в горы.

Дон Хенаро зажег свой керосиновый фонарь. Я последовал за ним на кухню. Кто-то принес ему горшок горячего супа и стопку кукурузных лепешек.

– Кто принес тебе пищу? – спросил я его. – у вас есть здесь поблизости женщина, которая готовит вам?

На кухню вошел дон Хуан. Оба они смотрели на меня, улыбаясь. По какой-то причине их улыбки показались мне зловещими. Я уже готов был закричать от ужаса, когда дон Хуан ударил меня по спине и переместил в состояние повышенного сознания. Тогда я понял, что во время сна или же проснувшись, я, видимо, соскользнул обратно в повседневное состояние.

Ощущение, которое я тогда испытал, вернувшись в состояние повышенного сознания, было смесью облегчения и гнева и очень острой тоски. Я почувствовал облегчение от того, что теперь я опять сам в себе, так как начинал рассматривать эти свои непостижимые состояния как свое истинное «я». Для этого была одна простая причина: в этих состояниях я чувствовал себя целым – ничто не отсутствовало. Гнев и печаль были реакцией на беспомощность – я более, чем когда-либо, осознавал ограниченность своего бытия.

Я попросил дона Хуана объяснить мне, как возможно делать то, что происходит со мной. В состоянии повышенного сознания я мог оглянуться и вспомнить о себе все, я мог дать себе отчет обо всем, что я делал в любом состоянии, я даже мог вспомнить свою неспособность вспомнить. Но как только я возвращался в свое нормальное повседневное состояние сознания, я не мог вспомнить ничего из того, что делал в состоянии повышенного сознания, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

– Помолчи, помолчи пока, – сказал он. – ты еще не помнишь всего: состояние повышенного сознания – это только промежуточное состояние. Есть бесконечно много позади него, и ты был там много, много раз. Но именно сейчас ты не можешь этого вспомнить, даже если бы от этого зависела твоя жизнь.

Он был прав. Я не имел ни малейшего понятия, о чем он говорит. Я попросил объяснений.

– Объяснения последуют, – сказал он. – это медленный процесс, но мы до этого доберемся. Это будет медленно, поскольку я похож на тебя – я стремлюсь к пониманию. Я противоположен моему благодетелю, который не вдавался в объяснения. Для него существовали только действия. Он обычно намертво ставил нас против непостижимых проблем и оставлял решать их самостоятельно. Некоторые из нас никогда ничего не решили и кончили весьма похоже тем древним видящим: все – действия и нет реальных знаний.

– Заключены ли эти воспоминания в моем уме? – спросил я.

– Нет, это было бы слишком просто, – ответил он. – действия видящих более сложны, чем деление человека на ум и тело. Ты забыл, что делал то, что забыл, ты видел.

Я попросил дона Хуана объяснить по-другому то, что он только что сказал. Он стал терпеливо объяснять, что все, что я забыл, происходило со мной в состояниях, в которых мое сознание было расширено, интенсифицировано, а это означает, что использовались отличные от обычных области моего полного существа.

– То, что ты забыл, поймано в тех областях твоего целостного существа, – сказал он. – использовать те, другие области и значит видеть.

– Я еще больше запутался, чем всегда, дон Хуан, – сказал я.

– Я не виню тебя, – ответил он. – видение значит обнажение сердцевины всего – быть свидетелем неведомого и бросить взгляд на непостижимое. Как таковое, оно малоутешительно. Обычно видящие разрываются на части от того, что существование неизмеримо сложнее, а наше обыденное сознание губит его своими ограничениями.

Он опять повторил, что мое сосредоточение должно быть полным, так как предельно важно понять, что новые видящие придают величайшее значение глубокому, неэмоциональному постижению.

– Например, в прошлый раз, – продолжал он. – когда ты «понял все» относительно ла Горды и своего чувства собственной важности, ты в действительности не понял еще ничего реально. У тебя была эмоциональная вспышка, вот и все. Я говорю это, потому что на другой же день ты опять был на своем коньке собственной важности так, как будто ты никогда ничего не осознал.

То же случилось с древними видящими: они предавались эмоциональным реакциям. Однако, когда пришло время понять, что же они видят, они не смогли этого сделать. Чтобы понять, нужна тревога, а не эмоциональность. Берегись тех, кто плачет от осознания, ибо они ничего не поняли.

На пути знания лежат несказанные трудности для тех, кто остается без трезвого понимания, – продолжал он. – я описал порядок, в каком новые видящие разместили истины относительно сознания, так что это будет служить тебе картой – той картой, которую ты сможешь проверить с помощью своего видения, а не глаз.

Последовала долгая пауза. Он смотрел на меня. Он определенно ждал от меня вопроса.

– Все ловятся на той ошибке, что видение осуществляется глазами, – продолжал он. – но не удивляйся, что после стольких лет ты не понял, что видение – это не дело глаз. Вполне естественно впасть в эту ошибку.

– Что же тогда такое видение? – спросил я.

Он ответил, что видение – это настройка. Я напомнил ему, что он сказал, что восприятие – это настройка. Тогда он объяснил, что настройка эманаций, осуществляемая обычно, это восприятие повседневного мира, а настройка эманаций, которые никогда не использовались в обычном смысле – это видение. Когда такая настройка происходит, человек видит. Следовательно, видение, возникающее от необычной настройки, не может быть чем-то, на что смотрят. Он сказал, что, несмотря на то, что я «видел» бесчисленное число раз, мне все же не пришлось в голову отказаться от своих глаз. Я подпал под влияние того, что видение было помечено и описано.

– Когда видящие видят, что-то объясняет по мере того, как возникает новая настройка, – продолжал он. – голос говорит им в их уши, что есть что. Если такой голос отсутствует, тогда то, во что вовлечен видящий, не является видением.

После минутного молчания он продолжил объяснения относительно голоса видения. Он сказал, что равным образом было бы безумием говорить, что видение – это слышание, поскольку это бесконечно больше, однако видящие вынуждены избрать звук в качестве знака новой настройки.

Он назвал голос видения наиболее таинственной, необъяснимой вещью.

– Моим личным выводом является то, что голос видения присущ только человеку, – сказал он. – это может быть так, потому что речь – это нечто такое, чего не имеет никто другой, кроме человека. Древние видящие верили, что это голос могущественной сущности, интимно связанной с человеком – голос хранителя человека. Новые видящие нашли, что это существо, которое они называли человеческой формой, не имеет голоса. Поэтому для новых видящих голос видения – это что-то совершенно непостижимое. Они говорят, что свет сознания играет на эманациях Орла, как арфист играет на струнах.

Он отказался объяснить это подробнее, обещая, что позднее, по мере продвижения, мне все станет ясно.

Пока дон Хуан говорил, мое сосредоточение было настолько полным, что я просто не мог вспомнить, как сел за стол, чтобы поесть. Когда дон Хуан остановился, я заметил, что его тарелка почти пуста. Хенаро смотрел на меня с лучезарной улыбкой: моя тарелка была передо мной тоже пуста. В ней оставалось совсем немного супа, как будто я только что кончил есть. Но я не помнил, чтобы я ел вообще, и даже не помнил, как подошел к столу, чтобы поесть.

– Тебе понравился суп? – спросил Хенаро и отвел взгляд.

Я сказал, что да, поскольку не хотел допустить, что у меня есть проблемы с воспоминанием.

– На мой вкус он слишком остыл, – сказал Хенаро. – а сам ты никогда не ешь горячую пищу, поэтому я немного беспокоился, чтобы с тобой чего-нибудь не случилось. Ты, конечно, не должен был съедать две тарелки. Мне кажется, что ты ведешь себя немного по-свински, когда находишься в состоянии повышенного сознания, а?

Я допустил, что он, возможно, прав. Он подал мне большой кувшин воды, чтобы я утолил жажду и промочил горло. Когда я жадно выпил воду, оба они покатались со смеху.

Неожиданно я понял, что происходит. Это осознание было физическим, это была вспышка желтоватого цвета, которая толкнула меня, как будто кто-то зажег спичку прямо у меня между глаз. Я уже знал, что Хенаро шутит – я не ел. Я так был поглощен объяснениями дон Хуана, что забыл вообще обо всем. Тарелка передо мной была тарелкой Хенаро.

После еды дон Хуан продолжил свои объяснения относительно света сознания. Хенаро сидел рядом и слушал так, как если бы он никогда раньше не слышал такого объяснения.

Дон Хуан сказал, что то давление, которое оказывают эманации, внешние по отношению к кокону и называемые «эманации в великом», на эманации внутри него, одинаково для всех чувствующих существ, однако результат этого давления очень различен для них, поскольку их коконы реагируют на это давление совсем по-разному. Но в некоторых границах есть все же какая-то степень подобию.

– Итак, – продолжал он. – когда видящие видят, как давление «эманаций в великом» действует на внутренние эманации, которые всегда в движении, и как они заставляют их остановиться, тогда видящие знают, что светящееся существо охвачено осознанием.

Сказать, что эманации в великом давят на эманации в коконе, заставляя их остановить свое движение, означает, что видящие видят что-то неопишемое, смысл чего они знают без тени сомнения. Это означает, что голос видения сказал им, что эманации в коконе совершенно успокоились и встретились с некоторыми из тех, что вовне.

Он сказал, что видящие, естественно, считают, что сознание всегда приходит извне себя, что настоящая тайна лежит вне нас. Поскольку по природе эманации в великом служат для того, чтобы фиксировать то, что в коконе, то трюк сознания состоит в том, чтобы позволить фиксирующим эманациям слиться с теми, что внутри нас. Видящие полагают, что если мы позволим этому случиться, мы станем тем, чем в действительности являемся – текучими, всегда в движении, вечными.

Последовала долгая пауза. Глаза дон Хуана светились. Казалось, что они смотрят на меня

из глубины. У меня было впечатление, что каждый из его глаз – это независимая точка яркости. Мгновение он, казалось, боролся с невидимой силой, внутренним огнем, намеревающимся его поглотить. Это прошло, и он продолжил разговор.

– Степень сознания каждого отдельного чувствующего существа, – продолжал он. – зависит от степени того, насколько оно способно позволить эманациям в великом нести его.

После долгого перерыва дон Хуан продолжил объяснения. Он сказал, что видящие увидели, что с момента зачатия сознание растёт, обогащается процессом жизни. Например, сказал он, видящие увидели, что сознание отдельного насекомого или человека растёт с момента зачатия поразительно различным образом, однако с одинаковым упорством.

– С момента зачатия или с момента рождения развивается сознание? – спросил я.

– Сознание развивается с момента зачатия, – ответил он. – я всегда говорил тебе, что половая энергия – это нечто предельно важное и что ею нужно управлять и пользоваться с величайшей осторожностью, но ты всегда отвергал то, что я говорил, так как думал, что я говорю об управлении в смысле морали. Я же всегда говорил в смысле ее сохранения и перераспределения.

Дон Хуан взглянул на Хенаро. Хенаро кивнул в знак согласия.

– Хенаро собирается сказать тебе, что наш благодетель, нагваль Хулиан, обычно говорил относительно сохранения и перераспределения половой энергии, – сказал мне дон Хуан.

– Нагваль Хулиан, – начал дон Хенаро. – обычно говорил, что иметь половые связи – это вопрос энергии. Например, у него никогда не было проблем с полом, поскольку у него было достаточно энергии. Однажды он бросил взгляд на меня и предписал, чтобы мой пицик занимался только писанием. Он сказал мне, что у меня нет достаточной энергии для половых связей. Он сказал, что мои родители, когда делали меня, слишком скучали и слишком устали. Он сказал, что я являюсь результатом очень скучного совокупления – «кахида авуррида». Таким я и был рожден – скучным и усталым. Нагваль Хулиан рекомендовал, чтобы люди, подобные мне, никогда не имели половых связей. Так мы можем запасти немного энергии и добавить к той, которая у нас есть.

То же самое он сказал Сильвио Мануэлю и Эмелито. Он видел, что у других есть достаточно энергии. Они не были результатом скучного совокупления. Он сказал, что они могут делать со своей половой энергией все, что им угодно, однако он рекомендовал им управлять собой и понять, что предписание Орла состоит в том, что пол предназначен для порождения света сознания. Все мы тогда сказали, что все поняли.

Однажды, безо всякого предупреждения, он с помощью своего благодетеля, нагваля Элиаса, приподнял занавес другого мира и пихнул всех нас внутрь, без всякого колебания. Все мы, за исключением Сильвио Мануэля, почти умерли там: у нас не было достаточно энергии, чтобы выстоять перед лицом воздействия того мира. Никто из нас, за исключением Сильвио Мануэля, не следовал рекомендациям нагваля.

– Что это за занавес другого мира? – спросил я дона Хуана.

– То, что Хенаро сказал: это занавес, – ответил дон Хуан. – но ты упустил предмет разговора. Ты всегда таков. Мы говорим о предписании Орла относительно пола. Команда Орла состоит в том, что половая энергия должна использоваться для создания жизни. Через половую энергию орел дает сознание, так что, когда чувствующие существа вовлечены в половое сношение, эманации внутри их коконов делают все возможное, чтобы снабдить сознанием новое чувствующее существо, которое они создают.

Он сказал, что в процессе полового акта эманации, заключенные в коконах обоих родителей, претерпевают сильное возбуждение, кульминационной точкой которого является соединение, слияние двух кусков света сознания, по одному от каждого партнера, которые

отделяются от их коконов. Половое сношение всегда поставщик сознания, хотя то, что поставляется, может и не консолидироваться, – продолжал он. – эманации внутри кокона не знают сношения ради забавы.

Хенаро наклонился ко мне через стол и сказал тихим голосом, подкрепляя сказанное кивком головы:

– Нагваль говорит тебе правду, – сказал он, подмигивая. – эманации действительно не знают этого.

Дон Хуан старался не засмеяться и добавил, что безумно со стороны человека действовать безотносительно к тайне существования и полагать, что такой тонкий акт, поставляющий жизнь и сознание, это просто физическое стремление, которым можно крутить, как угодно.

Хенаро начал делать непристойные половые движения, работая тазом взад и вперед. Дон Хуан кивнул и сказал, что это как раз то, что он имеет в виду. Хенаро поблагодарил его за признание своего существенного вклада в объяснение сознания.

Оба они захохотали, как идиоты, говоря, что если я понял, как серьезен был их благодетель, когда говорил о сознании, то я буду смеяться вместе с ними.

Я честно спросил дона Хуана, что все это может значить для среднего человека в повседневной жизни.

– Ты имеешь в виду то, что там делает Хенаро? – спросил он меня с нарочитой серьезностью.

Их веселость всегда была захватывающей. Потребовалось много времени, чтобы они успокоились. Их уровень энергии был таким большим, что по сравнению с ними я казался старым и немощным.

– Я действительно не знаю, – ответил мне, наконец, дон Хуан. – Все, что я знаю, это то, что это значит для воинов. Они знают, что единственная реальная энергия, которой мы располагаем, – это половая энергия, поставляющая жизнь. Это знание делает их постоянно сознающими свою ответственность.

Если воины хотят иметь энергию для видения, они должны стать скупцами по отношению к своей половой энергии. Это тот урок, который нагваль Хулиан преподал нам. Он толкнул нас в неведомое и все мы почти умерли, а поскольку каждый из нас хотел видеть, мы, конечно, воздержались от растраты своего света сознания.

Я и раньше слышал его изложение этого убеждения. Каждый раз, когда он делал это, я вступал в пререкания. Я всегда чувствовал себя обязанным протестовать и приводить возражения на то, что, как я считал, является пуританским отношением к полу. Я опять выдвинул свои возражения. Оба они смеялись до слез.

– Что же делать с естественной человеческой чувствительностью? – спросил я дона Хуана.

– Ничего, – ответил он. – ничего не случится с человеческой чувствительностью. Дело в невежестве и безответственности по отношению к нашей магической природе. Ошибкой является безрассудно тратить силу пола, поставляющую жизнь, и не рожать при этом детей, но так же ошибочно не знать, что, рожая детей, ты глушишь свет сознания.

– Откуда видящие знают, что иметь детей – значит глушить свет сознания? – спросил я.

– Они видят, что при рождении ребенка свет сознания родителей уменьшается, а ребенка возрастает. В некоторых сверхчувствительных хрупких родителях свет сознания почти гаснет. По мере того, как у ребенка возрастает сознание, в световом коконе родителей развивается большое темное пятно, как раз на том месте, где свет был изъят. Обычно это посередине кокона. Иногда эти пятна можно видеть наложенными прямо на тело.

Я спросил его, можно ли что-нибудь сделать, чтобы дать людям более уравновешенное понимание света сознания.

– Ничего, – сказал он. – по крайней мере, нет ничего такого, что могут здесь сделать видящие. Цель видящих – свобода: быть беспристрастными наблюдателями, неспособными к суждению, а иначе бы они взяли на себя обязательство создания более справедливого цикла. Никто сам по себе не может сделать этого. Новый цикл, если он придет, должен придти сам по себе.

Конец ознакомительного отрывка книги.

[Скачать книги Карлоса Кастанеды](#)